

РЕВИЗОР

18+

Aki Latus

Ревизор

«Автор»

2026

Latus A.

Ревизор / А. Latus — «Автор», 2026

Быть счетоводом в роду боевых магов — удел скучный и неблагодарный. Пока твои кузены жгут фаерболами семейное состояние, ты сидишь над ведомостями, пытаясь свести концы с концами. Именно так живёт Эмиль фон Канцлер — тихий, неприметный родственник, чья магия никогда не считалась нужной. Но когда казна оказывается пуста, а двадцатилетний контракт с родом Демидовых внезапно превращается в смертельную ловушку, Эмиль отправляется в столицу. Его цель — найти в старых бумагах лазейку, спасти род от разорения и выжить. В Империи, где магическое право суровее меча, а древние договоры хранят проклятия, способные превратить человека в марионетку, Эмиль неожиданно открывает в себе редкий дар. Он видит магическую вязь там, где другие видят лишь текст. Он чувствует скрытые условия. И он может не просто исполнять контракты — он может их переписывать. Теперь за ним охотятся наёмники, продажные судьи готовы вынести ему приговор, а могущественные враги не остановятся ни перед чем.

© Latus A., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Тишина в кленовых листьях	5
Глава 2. Тени над Торнвальдом	11
Глава 3. Тишина над Торнвальдом	19
Глава 4. Пыль, хлам и спящие твари	24
Глава 5. Тот, кто дышит среди бумаг	28
Глава 6. Контракт для контракта	32
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Aki Latus

Ревизор

Глава 1. Тишина в кленовых листьях

Два месяца покоя — это, оказывается, очень много. Особенно когда привыкаешь, что каждое утро может начаться с погони, каждый вечер — с покушения, а каждая ночь — с кошмаров о серых лицах и зашитых ртах. Я сидел в своём кабинете, смотрел на то, как за окном медленно падают жёлтые листья, и пытался убедить себя, что эта тишина — не затишье перед бурей, а самая настоящая, честная, выстраданная мирная жизнь.

За окнами родового особняка стояла золотая осень. Клёны в саду горели багрянцем, розы Германа, которые чудом пережили и летнюю жару, и огненные шары Рихтера, ещё цвели, но уже как-то стыдливо, понимая, что их время уходит. Садовник, кстати, при встрече со мной теперь раскланивался так низко, будто я был как минимум канцлером Империи, а не просто носил фамилию канцлера... Победа над Демидовыми, видимо, добавила мне веса даже в его глазах.

Утренняя почта лежала на столе аккуратной стопкой. Сверху — отчёты от Шумахера. Толстые, обстоятельные, с таблицами, графиками и подробными комментариями на полях, написанными его убористым купеческим почерком. Я взял верхний лист, пробежал глазами цифры и довольно хмыкнул.

Текстильная мануфактура выдала за месяц прибыли на сорок два золотых сверх плана. Кожевенная — на тридцать. Стекольная, которая поначалу капризничала, тоже выровнялась и даже начала приносить доход. Шумахер, как и обещал, управлял железной рукой, и мои сто пятьдесят золотых ежемесячно капали на счёт в гномьем банке, заставляя управляющего Глимли присылать мне вежливые письма с предложениями «выгодно вложить свободные средства».

— Свободные средства, — пробормотал я, откладывая отчёт. — Звучит так, будто это не мои кровные, а чьи-то чужие.

— Что вы сказали, господин Эмиль? — спросил фон Хаген, не поднимая головы от бумаг.

Старик обжился в родовом особняке так, будто прожил здесь всю жизнь. Ему выделили комнату рядом с архивом, и теперь он проводил там дни напролёт, разбирая столетние накопления бумаг и ворча, что «у Канцлеров такой бардак, что даже в арбитраже было чище». Сейчас он сидел в кресле у окна, изучал какие-то старые договоры и делал пометки в блокноте.

— Говорю, что Шумахер молодец, — ответил я, пододвигая к себе следующую папку. — Мануфактуры растут, прибыль увеличивается. Даже странно, что Демидовы умудрялись при таких активах быть должны какому-то культу.

— Демидовы, — фон Хаген отложил перо и посмотрел на меня поверх очков, — думали не о прибыли, а о власти. А это, молодой человек, две большие разницы. Власть требует жертв, в том числе финансовых. А прибыль требует скучной, монотонной работы. Шумахер умеет работать. А Аристарх умел только интриговать.

Я кивнул. За два месяца имя Демидовых упоминалось в нашем доме всё реже. Аристарх сидел в подземельях Тайной канцелярии, и, по слухам, из него вытрясали информацию о культе. Максимилиан, сменивший имя, уехал куда-то на север. Грубер, говорят, подал в отставку и теперь живёт в своём доме, заново учась быть обычным человеком. Жизнь брала своё.

Из коридора донеслись тяжёлые шаги, и в дверь кабинета, даже не постучавшись, ввалился Рихтер. За два месяца мой кузен изменился — не внешне, нет, он всё так же походил

на медведя, наряженного в человеческую одежду, — а внутренне. Он больше не смотрел на меня свысока, не отпускал шуточек про «жалких счетоводов» и даже начал советоваться по некоторым вопросам.

— Эмиль, — сказал он, плюхаясь на стул без приглашения. — У меня к тебе дело.

— Слушаю, — ответил я, откладывая бумаги.

— Тут такое... — Рихтер замялся, что было для него редкостью. — Мы с ребятами на тренировке испытывали новые кристаллы. Те, что по твоей рекомендации закупили. Ну, которые экономные.

— И?

— И они... того... — он почесал затылок. — В общем, один разбился. Нечаянно. Я не специально, честное слово! Просто Людвиг, балбес, не рассчитал силу удара, и кристалл... того. Рассыпался.

Я с трудом подавил улыбку. Ещё месяц назад Рихтер даже не подумал бы докладывать мне о разбитом кристалле. Просто пришёл бы, потребовал денег на новый, и плевать хотел на мои возражения. А теперь он сидел передо мной, как провинившийся школьник, и мялся, ожидая вердикта.

— Рихтер, — сказал я спокойно, — кристаллы для того и существуют, чтобы их использовать. Иногда они бьются. Это нормально.

— То есть ты не будешь ругаться? — удивился он.

— А смысл? — Я пожал плечами. — Ты пришёл, рассказал, значит, совесть у тебя есть. Просто в следующий раз будьте аккуратнее. И, если хотите, я поговорю с Варгусом, чтобы он выделил вам дополнительные маты для отработки ударов. Может, меньше кристаллов пострадает.

Рихтер смотрел на меня так, будто я заговорил на древнеэльфийском.

— Ты... ты серьёзно? Поможешь?

— А почему нет? — удивился я в ответ. — Вы защищаете род. Моя задача — обеспечить вас всем необходимым. В разумных пределах, конечно. Без фанатизма.

— Вот это да... — выдохнул Рихтер, поднимаясь. — Ладно, спасибо, братец. Я пойду, обрадую ребят. А то они там переживают, думали, ты их без кристаллов оставишь.

Он вышел, громко топая сапогами, а я переглянулся с фон Хагеном. Старик усмехнулся и покачал головой.

— Прогресс, — констатировал он. — Ещё пара месяцев, и ваш кузен начнёт здороваться при встрече.

— Он всегда здоровался, — возразил я.

— Здороваться и уважать — разные вещи, молодой человек. Вы сейчас наблюдаете, как рождается уважение. Это красиво, хоть и шумно.

Я вернулся к бумагам, но мысли уже унеслись в другую сторону. Часы показывали без четверти двенадцать. Скоро обед. И ко. Не придёт Лиза.

Дверь открылась ровно в полдень. Тихо, без стука, но это был не просто скрип петель — это был сигнал, который я ждал всё утро.

Лиза вошла с подносом в руках. На нём дымились тарелка с супом, стояла чашка горячего шоколада и лежала свежая булочка, посыпанная сахарной пудрой. Она была в своём новом розовом платье, которое я тайком подарил ей пару недель назад. Кружевной передник, чепец, из-под которого выбился непослушный светлый локон. Всё как всегда.

И всё иначе.

За два месяца, прошедшие после моего возвращения, между нами установилось то неуловимое равновесие, которое и не разорвать, и не ускорить. Мы не говорили о том, что произошло той ночью, когда она сидела у камина и заснула в моём кресле. Мы не обсуждали наши

чувства. Мы просто... жили. Встречались взглядами за обедом, обменивались короткими фразами, которые значили гораздо больше, чем в них было вложено.

— Господин Эмиль, — сказала она, ставя поднос на край стола. — Обед. Повар велела передать, что суп сегодня особенно удался. Говяжий, с овощами.

— Спасибо, Лиза.

Я потянулся к подносу, чтобы схватить булочку, она — чтобы поправить салфетку. Наши пальцы встретились.

Всего на миг. Тёплая кожа, лёгкое прикосновение, от которого по руке пробежал разряд, будто от электричества. Она замерла, подняла глаза, и в них играла та самая улыбка — тёплая, понимающая, чуть лукавая. Улыбка, которая принадлежала только нам двоим.

— Простите, господин, — прошептала она, но руку не убрала.

— Ничего, Лиза, — ответил я, тоже не убирая.

Мы стояли так, наверное, целую вечность — или всего секунду, я не мог понять. Время для нас двоих текло совсем иначе. За окном падали листья, фон Хаген деликатно отвернулся к своим бумагам, и во всём мире не существовало ничего, кроме её глаз и этого лёгкого, почти невесомого касания.

— Кушайте, — сказала она наконец, высвобождая руку. — А то остынет.

— Да, конечно.

Она вышла так же тихо, как вошла, а я остался сидеть, глядя на суп, который вдруг перестал меня интересовать.

— Молодой человек, — голос фон Хагена вывел меня из транса, — если вы сейчас не начнёте есть, повариха обидится. А когда она обижается, она перестаёт печь свои яблочные пироги. А я без её яблочных пирогов жить не могу.

Я усмехнулся и взял ложку.

— Вы неисправимы, герр фон Хаген.

— Я стар, Эмиль. У меня есть право на маленькие слабости.

Остаток дня прошёл в привычных хлопотах. Я разобрал почту, набросал ответ Шумахеру, просмотрел пару новых договоров, которые принёс Варгус. Ближе к вечеру заглянул дядя — поинтересоваться, как идут дела с мануфактурами, и, услышав про почти двести золотых в месяц, одобрительно кивнул.

— Ты хорошо устроился, Эмиль, — сказал он на прощание. — Не то что мы, грешные, с нашими расходами и тренировками.

— Дядя, — ответил я, — если бы не ваши тренировки, мне бы не пришлось ввязываться во всю эту историю. Да и вам грех жаловаться — Прибыль с рудников теперь ежемесячно превышает десять, тысяч золотом! Мои собственные финансы ничтожны, по сравнению с каждой рода!

Он рассмеялся — редкость для обычно сурового главы рода — и ушёл, оставив меня в приподнятом настроении.

А вечером пришла Лиза.

Уже без подноса, без официального повода. Просто постучала, заглянула, спросила:

— Можно?

Я кивнул, и она вошла, неся с собой запах свежего хлеба, ванили и чего-то ещё, неуловимо родного. В руках у неё было вязание — какой-то длинный шарф из мягкой серой шерсти.

— Мне сказали, что вы сегодня почти не ели за ужином, — сказала она, усаживаясь в кресло у камина. — Вот, решила проверить, не заболели ли.

— Я здоров, — заверил я. — Просто задумался.

— О чём? — Она взяла спицы, и руки её задвигались в уже привычном мне ритме.

— О разном, — я пожал плечами, беря с полки книгу. — О мануфактурах. О Демидовых. О том, как быстро летит время.

— Время всегда летит быстро, — философски заметила Лиза, не отрываясь от вязания. — Особенно когда хорошо.

Я открыл книгу, но читать не мог. Вместо этого я смотрел на неё — на то, как огонь из камина играет на её лице, как она кусает губу, сосредоточенно считая петли, как выбившийся локон касается её щеки. Это было... так правильно. Уютно.

— Хочешь, почитаю вслух? — предложил я. — Тут есть забавный раздел про гномы банковские курьёзы.

— О, это то, о чём писал Шумахер? — оживилась она. — Про того гнома, который перепутал мешки с золотом и отправил выручку не в тот банк?

— Именно. — Я нашёл нужную страницу. — Слушай.

И я начал читать. Отчёты Шумахера, которые он присылал, были не просто сухими цифрами. Купец обладал редким даром рассказывать о скучных вещах с юмором и изяществом. История про гнома Глимли, который вместо перевода денег на счёт Канцлера отправил их в гильдию алхимиков, вызвала у Лизы такой смех, что она чуть не выронила спицы.

— И что теперь? — спросила она сквозь смех. — Алхимики не отдают?

— Шумахер пишет, что они уже потратили половину на эксперименты с зельями вечной молодости, — ответил я. — Глимли в ярости, грозит им судом. Но, по гномьим законам, если деньги поступили на счёт по ошибке и получатель их потратил добросовестно, то вернуть можно только то, что осталось. А осталось, по слухам, всего ничего.

— Бедный Глимли, — улыбнулась Лиза. — Но, наверное, он теперь будет внимательнее.

— Вряд ли. Гномы упрямы. Он скорее сто раз наступит на одни и те же грабли, прежде чем признает, что ошибся.

Мы ещё долго болтали — о всякой всячине, о пустяках, о том, что не имело значения. Она рассказала, как повариха учит её печь яблочные пироги по своему секретному рецепту. Я поделился планами расширить родовой архив с помощью фон Хагена. Мы строили планы на зиму — как будем забираться с ногами в кресла, пить горячий шоколад и смотреть на снег за окном.

В какой-то момент я отвлёкся на бумаги, а когда поднял голову, увидел, что Лиза уже спит.

Она сидела в кресле, откинув голову на спинку, вязание выскользнуло из рук и лежало на коленях. Ресницы её чуть заметно дрожали, губы были чуть приоткрыты, и в свете камина она казалась мне самым прекрасным созданием на свете.

Я встал, подошёл к шкафу, достал плед — тот самый, которым укрывался сам, когда работал допоздна, — и осторожно укрыл её. Она вздохнула во сне, улыбнулась чему-то и затихла.

Я вернулся за стол, но работать больше не смог. Вместо этого я просто сидел и смотрел на неё. На то, как мерно вздымается её грудь. На то, как свет от камина играет на её лице. На то, как её рука, высунувшаяся из-под пледа, расслабленно лежит на подлокотнике.

Это было не то чувство, которое описывают в романах — лихорадочное, страстное, сжигающее. Это было что-то другое. Глубокое. Спокойное. Тёплое, как этот плед. Надёжное, как стены родового особняка. И от этого на душе становилось так хорошо, что хотелось петь.

— Лиза, — прошептал я, хотя она не могла меня слышать. — Я люблю тебя.

Она проспала около часа. Потом пошевелилась, открыла глаза, увидела плед, увидела меня, смотрящего на неё, и улыбнулась той самой своей чуть виноватой улыбкой.

— Я уснула, — сказала она, аккуратно выбираясь из под пледа. — Простите, господин Эмиль. Совсем замучили меня эти пироги и вязание.

— Не извиняйся, Лиза, — ответил я. — Мне было... приятно. Честно.

Она поднялась, поправила платье, аккуратно сложила плед и положила его на спинку кресла.

— Мне пора, — сказала она. — Уже поздно. Главная будет ругаться.

— Иди, — кивнул я. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, господин Эмиль.

Она вышла, а я ещё долго сидел, глядя на огонь в камине и чувствуя, как внутри разливается то самое глубокое, спокойное счастье, которое не нуждалось в словах.

Часы пробили полночь. Я уже собирался идти спать, когда в кабинете что-то изменилось.

Я не сразу понял, что именно. Воздух стал плотнее, тени в углах сгустились, и запах — едва уловимый, вязкий — запах сырости, старой бумаги и чего-то ещё... металлического. Запах Тайной канцелярии.

— Красиво живёшь, Канцлер.

Я вздрогнул и резко обернулся. В кресле, где только что сидела Лиза, развалился Фриц.

Он был всё в том же безупречном чёрном костюме, с той же детской улыбкой на своих тонких губах. В руках он вертел какой-то амулет, который тускло светился в темноте. Как он вошёл? Через дверь я бы услышал. Через окно — невозможно, третий этаж. Значит...

— Из тени, — подтвердил он мои мысли, будто прочитав их. — Удобно, правда? Не надо стучаться, не надо ждать, пока лакеи доложат. Просто шагнул — и ты уже здесь.

Я поднялся, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Грегор! Где Грегор?

— Твоего телохранителя не трогали, — успокоил Фриц, поигрывая амулетом. — Он спит. Не волнуйся, я его не убивал. Просто... усыпил на пару часов. Ему полезно. А то всё ходит, ходит, охраняет... Отдохнёт человек.

— Что тебе нужно, Фриц? — спросил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Мне? — Он притворно удивился. — Мне лично — ничего. А вот шефу — да. — Он извлёк из внутреннего кармана запечатанный конверт и протянул мне. Конверт был из плотной серой бумаги, с вензелем — чёрная печать с гербом Тайной канцелярии, от которого веяло холодом.

Я взял конверт, повертел в руках. Но не распечатал.

— Что там?

— А ты открой, — посоветовал Фриц. — Не съест же он тебя. Пока что.

Я сломал печать. Внутри оказался один-единственный лист, исписанный тем же ровным, каллиграфическим почерком, каким фон Бок вёл свои записи.

«Эмиль фон Канцлер.

Прошло два месяца. Демидовы сидят, культисты молчат, мануфактуры работают. Твоя жизнь вошла в спокойное русло. Это хорошо. Но мне нужно, чтобы ты вышел из этого русла. Ненадолго.

Есть дело. Срочное. Важное. Касается того, что мы нашли в дневнике Ганса. И того, о чём молчат пленные Хранители.

Жду тебя в столице. Через три дня. Не опаздывай.

Фон Бок».

Я перечитал письмо дважды. Потом поднял глаза на Фрица. Тот сидел, поигрывая амулетом, и ждал.

— Что значит «касается того, что мы нашли»? — спросил я. — Мы нашли много чего. Уточните пожалуйста.

— Не могу, — пожал плечами Фриц. — Шеф сказал: привези. Сам всё объяснит. Моё дело маленькое — доставить послание и проследить, чтобы ты не сбежал. А сбежать, кстати, не советую. Шеф очень расстроится. А когда шеф расстраивается, он становится... нервным. А когда он нервный, он ломает игрушки. А ты, Канцлер, сейчас едва ли не его любимая игрушка! И моя...

Он улыбнулся, и от этой улыбки у меня по спине побежали мурашки.

— Я не игрушка, — сказал я твёрдо.

— Все мы игрушки, — философски заметил Фриц, поднимаясь. — Просто одни — для богов, другие — для тайной канцелярии. Разница, в общем-то, небольшая.

Он подошёл к углу, где тени сгущались особенно плотно, и обернулся.

— Через три дня, Канцлер. Не опаздывай. И... привет передавай своей горничной. Милая девушка. Очень милая. Тебе с ней повезло.

Он шагнул в тень и исчез, будто его и не было. Только лёгкий холодок в воздухе да конверт в моей руке говорили о том, что этот визит мне не приснился.

Я стоял посреди кабинета, глядя на пустое кресло, и чувствовал, как тишина этой ночи, такая уютная и спокойная всего минуту назад, вдруг стала давящей и тревожной.

Фон Бок зовёт. Срочно. По делу, связанному с дневником Ганса.

А значит, покой кончился.

Я посмотрел на дверь, за которой скрылась Лиза. На плед, который она сложила и оставила на спинке кресла. На часы, которые всё так же мерно тикали, отсчитывая секунды.

Три дня.

— Чёрт, — выдохнул я в пустоту. — Чёрт, чёрт, чёрт.

В углу, где только что стоял Фриц, что-то блеснуло. Я подошёл, нагнулся. На полу лежал маленький амулет — тот самый, с которым он играл. Простой металлический кружок с выгравированной руной.

Я поднял его, повертел в руках. Амулет был тёплым — видимо, от пальцев Фрица. И пульсировал слабой, едва уловимой магией.

Подарок? Или маячок?

Я сунул его в карман, решив разобраться позже. Сейчас нужно было думать о другом.

Что за дело? Почему срочно? И почему именно я?

Ответов не было. Было только письмо фон Бока, лежащее на столе, и чувство, что спокойная жизнь, которую я выстроил с таким трудом, рушится быстрее, чем картонный домик под порывом ветра.

Я подошёл к окну. За стёклами чернела осенняя ночь, где-то в саду ухнула сова, и листья, срываемые ветром, бесшумно кружились в темноте.

Три дня.

Глава 2. Тени над Торнвальдом

Столица встретила меня промозглой моросью и запахом мокрой листвы, который, казалось, пропитал даже камни мостовой. Два месяца я дышал чистым воздухом родового поместья, слушал пение птиц и шорох падающих листьев, и теперь городская сырость показалась особенно противной — липкой, чужой и навязчивой.

Экипаж, присланный Тайной канцелярией, подобрал меня прямо у заставы. Возница — тот самый пустоглазый парень, что и в прошлый раз, — даже не обернулся, когда я забирался внутрь. Только тронул поводья, и мы покатали по мокрым мостовым, петляя по переулкам так хитро, что я быстро потерял всякое представление о том, где мы находимся.

Грегор сидел напротив, положив руку на меч, и хмуро глядел в окно. Он был недоволен. Очень недоволен. Я видел это по тому, как подрагивали желваки на его скулах, как он то и дело поправлял перевязь с оружием, словно готовясь к бою прямо здесь, в экипаже.

— Господин, — сказал он, не оборачиваясь. — Всё это мне не нравится. Вызов посреди ночи, таинственные письма, эти... люди. Чую, добром это не кончится.

— Я знаю, Грегор, — вздохнул я. — Но выбора у нас нет. Когда Тайная канцелярия зовёт, лучше прийти самому, чем дожидаться, пока тебя приведут насильно.

Он хмыкнул, но спорить не стал. За два месяца, проведённые в особняке, Грегор оттаял ровно настолько, чтобы изредка позволять себе короткие замечания, но привычка подчиняться въелась в него слишком глубоко. Он был идеальным телохранителем — молчаливым, когда нужно — незаметным, и смертельно опасным. Я был рад, что он со мной.

Экипаж остановился у неприметного двухэтажного особняка в глубине двора, каких в столице тысячи. Облупившаяся штукатурка, заколоченные окна первого этажа, покосившаяся водосточная труба — место выглядело заброшенным, если бы не одно "но". От него веяло магией, которую я, после предыдущих событий в столице, начал чувствовать намного лучше.

— Приехали, господин, — сказал возница, впервые подав голос. — Вас ждут.

Я выбрался из экипажа, Грегор — следом. Дверь особняка открылась сама собой, без скрипа, без стука — просто бесшумно ушла в сторону, приглашая нас войти.

Внутри было сумрачно и тихо. Пахло пылью, старыми бумагами и той же сыростью, что и на улице. Мы прошли по узкому коридору, поднялись на второй этаж по скрипучей лестнице, и оказались перед массивной дубовой дверью, единственной во всём доме, которая выглядела новой и дорогой.

— Входите, — раздалось из-за двери.

Грегор шагнул было за мной, но я остановил его жестом.

— Подожди здесь.

Он кивнул и занял позицию у стены, положив руку на меч. Я толкнул дверь и вошёл внутрь.

Кабинет фон Бока оказался неожиданно... обычным. Никаких тебе черепов на стенах, никаких магических кругов на полу. Обычная комната с высоким потолком, тяжёлыми портьерами на окнах, книжными шкафами до потолка и огромным столом красного дерева, заваленным бумагами. В камине весело потрескивал огонь, отбрасывая на стены пляшущие тени.

Сам фон Бок стоял у стола и смотрел на карту.

Не на ту карту, что висела на стене — парадную, с гербами и золотым тиснением, — а на другую, разложенную прямо поверх бумаг. Большая, подробная, с множеством пометок, сделанных разными цветами чернил.

— Проходите, господин Канцлер, — сказал он, не оборачиваясь. — Садитесь. Разговор будет долгим.

Я сел в кресло напротив стола и приготовился слушать.

Фон Бок развернул карту так, чтобы я мог её видеть. На ней была изображена Империя целиком — от западных пределов до восточного тракта. Но мой взгляд сразу привлекла одна точка, обведённая жирным красным кружком.

— Торнвальд, — сказал фон Бок, тыча пальцем в кружок. — Слышали о таком?

— Отдалённая провинция, — с трудом припомнил я. — На границе с тёмным лесом. Рудники, лесопилки, пара гарнизонов для защиты от нечисти. Вроде бы ничего примечательного.

— Именно. — Фон Бок усмехнулся. — Ничего примечательного. Маленький, тихий, никому не нужный городок, где даже налоги собирать удаётся с трудом. Идеальное место для того, чтобы... спрятаться.

Он сделал паузу, давая мне время осмыслить сказанное.

— Три месяца назад оттуда перестали поступать отчёты. Не магические, нет — с этим как раз всё в порядке. Обычные, бумажные. Про финансовые потоки, про назначения на должности, про текущие расходы. Местный магистрат отписывается лишь стандартными фразами — "всё в порядке, работы ведутся, отчётность будет позже". Потом совсем перестали отвечать на запросы. А потом...

Он развернул ко мне несколько листов, исписанных убористым почерком.

— А потом в столицу пришла новая информация. Не официально, а так... по слухам. Рассказывают, что в окрестностях Торнвальда пропадают люди. Бесследно. Иногда по одному, иногда целыми семьями. Местные власти разводят руками — мол, лес, зверьё, мало ли. Но те, кто пришёл из тех мест, говорят другое.

Фон Бок передал мне стопку бумаг. Я пробежал глазами листы. Показания свидетелей — сбивчивые, путанные, полные страха. Женщина, чей муж ушёл в лес за дровами и не вернулся. Старик, у которого пропали сын с невесткой и маленьким внуком. Трактирщик, который видел, как постояльцы его трактира ушли ночью и не вернулись к завтраку.

— Снова культисты? — спросил я, чувствуя, как по спине пробегает холодок. Воспоминания о этих жутких чудовищах ещё были свежи в моей памяти.

— Возможно. — Фон Бок вернулся к карте. — После облавы в особняке Демидовых мы взяли нескольких из них. Допросили... со всей тщательностью. Они многое рассказали. Например, что у них есть ячейки по всей Империи. И что одна из самых крупных находилась как раз в том районе. В тёмном лесу, где полно старых капищ, заброшенных святилищ и мест, где магия течёт особенно плотно.

— Но вы ведь их уже взяли?

— Мы взяли тех, про кого знали. — Фон Бок поморщился. — Хранители — это не армия с чёткими списками личного состава. Это паутина, господин Канцлер. Паутина, в которой каждый узел знает только соседние. Мы оборвали несколько нитей, но паутина как целое... она жива. И сейчас, возможно, плетёт новую пакость.

Он оторвался от карты и посмотрел на меня в упор. В его глазах горел тот самый мрачный огонь, который я уже видел прежде — огонь охотника, почуявшего след.

— Официально, — сказал он, — вы едете в Торнвальд как независимый аудитор из столицы. Местный магистрат погряз в коррупции. Крышуют контрабанду, перепродают должности, разворовывают казну. Нужен свежий глаз, чтобы проверить финансовые и магические документы, выявить нарушения и навести порядок. У вас есть репутация человека, который уже занимался подобным в суде. Это хорошая легенда — честный, принципиальный чиновник, которого не купишь.

— А неофициально? — спросил я, уже догадываясь об ответе.

— А неофициально, — фон Бок снова склонился над картой, — вы будете моими глазами и ушами. Вы умеете видеть то, чего не видят другие, господин Канцлер. Контракты, магиче-

скую вязь, следы тёмных ритуалов. Если в Торнвальде завелись Хранители, вы это почувствуете. И, возможно, сможете найти их раньше, чем они поймут, что за ними охотятся.

Я молчал, переваривая информацию. Фон Бок дал мне время, разливая по чашкам какой-то тёмный напиток из пузатого графина. Кофе? Чай? Неважно. Я принял предложенный напиток, сделал глоток. Жидкость оказалось обжигающе горячей, терпкой, с привкусом трав.

— Что касается состава группы, — продолжил он, когда я поставил чашку на место. — Фриц и Хольгер поедут с вами. Вы знаете их, они знают вас. Фриц возьмёт на себя разведку и... скажем так, тихое проникновение туда, куда официальный аудитор сунуться не может. Хольгер обеспечит силовую поддержку, если что-то пойдёт не так. Плюс двое оперативников для подстраховки, с ними вы познакомитесь позже. Надёжные ребята, проверенные.

— Мои люди? — уточнил я.

— Берите. — Фон Бок развёл руками. — Грегора, если хотите. Он показал себя хорошо. Ещё кого-то из своих — пожалуйста. Но предупреждаю: чем больше будет людей, тем сложнее сохранить легенду. Аудитор едет с помощниками — это нормально. Аудитор едет с отрядом головорезов — уже подозрительно.

— Грегор поедет, — решил я. — Остальные останутся.

— Разумно. — Фон Бок кивнул. — Оплата — двести золотых. Половина сейчас, половина по завершении дела. Все расходы — дорога, проживание, представительские — за счёт казны. Держите.

Он протянул мне увесистый мешочек, который до этого лежал под бумагами. Я заглянул внутрь — золото, самое настоящее, имперской чеканки. Жалованье столичного чиновника за год.

— Щедро, — заметил я.

— Дело серьёзное, — парировал фон Бок. — Если Хранители действительно там, если они успели пустить корни... двести золотых покажутся копейками по сравнению с тем, во что это выльется Империи.

Он снова склонился над картой, водя пальцем по красным пометкам.

— Вот маршрут. Торнвальд в пяти днях пути на восток, если ехать быстро. Остановки на почтовых станциях — вот здесь, здесь и здесь. В самом городе у вас будет официальная резиденция — дом бывшего бургомистра, который сейчас пустует. Мы позаботились, чтобы вас там ждали. С документами проблем не будет — все бумаги готовы, печати настоящие, подписи подлинные. Вы — Эмиль фон Канцлер, уполномоченный ревизор Его Императорского Величества. Полномочия — проверять любые документы, опечатывать любые помещения, задавать любые вопросы. Местная стража обязана оказывать содействие.

Я слушал и чувствовал, как внутри завязывается тугой узел. Это было уже не просто "помогите найти культистов". Это была полноценная операция под прикрытием, с легендой, с документами, с группой поддержки. И я, счетовод, всего пару месяцев назад сидевший в своём кабинете и перекладывавший бумажки, должен был стать её ключевой фигурой.

— А если Хранителей там нет? — спросил я. — Если это просто коррупция и пропажи людей из-за лесных зверей?

— Тогда вы проведёте честную ревизию, — пожал плечами фон Бок. — Найдёте нарушения, отстраните пару-тройку коррумпированных чиновников, напишете отчёт. Тоже полезно. И двести золотых останутся при вас. Но... — он сделал паузу, а в его глазах вспыхнул очень нехороший блеск, — я редко ошибаюсь, господин Канцлер. Слишком много совпадений. Слишком тихо в том районе после того, как мы накрыли ячейку в столице. Хранители залегают на дно, но они не исчезают. Они ждут. И Торнвальд — идеальное место для этого.

Я молчал, глядя на карту. Красный кружок вокруг названия города пульсировал, казалось, в такт моему сердцебиению.

— Почему я? — спросил я наконец. — У вас есть Фриц, Хольгер, десятки других оперативников. Наверняка найдутся и люди, куда более сведущие в магии контрактов, чем я. Почему же именно я должен ехать и рисковать головой?

Фон Бок посмотрел на меня долгим, тяжёлым взглядом. Потом усмехнулся — впервые за всё время разговора.

— Потому что вы зрячий, Эмиль. — Он сказал это просто, буднично, будто речь шла о цвете глаз или форме носа. — Фриц видит мир теней. Хольгер видит мир бога магии. А вы видите мир контрактов. В этом ваша особенность, и главная ценность, если хотите. Хранители — мастера замечать следы. Они не оставляют кровавых ритуалов на виду, не ходят в балахонах по улицам. Они вплетают свою магию в обычную жизнь — в договоры, в купчие, в долговые расписки. И только такой человек, как вы, может это увидеть. Людей же, с такими способностями, как у вас, очень мало. И все они сейчас заняты.

Я вспомнил склад №13. Вспомнил, как мир вдруг расцвёл тысячами нитей контрактов, как я видел ложь и правду, вплетённые в каждую доску, в каждый ящик. Это было страшно. Это было прекрасно. И это был мой дар.

— Я не хочу, — сказал я честно. — У меня есть мануфактуры. И... те, кем я дорожу. Спокойная жизнь, о которой я мечтал. Я не хочу снова лезть в это осиное гнездо.

Фон Бок кивнул, будто именно такого ответа и ждал.

— Понимаю. — Он откинулся на спинку кресла, поигрывая ручкой. — Честно говоря, я бы на вашем месте тоже этого не хотел. Спокойная жизнь, любимая женщина, стабильный доход — что ещё нужно человеку для счастья? Но есть одно "но", господин Канцлер.

— Какое?

— Тайная канцелярия не просит. — Он посмотрел мне прямо в глаза, и в его взгляде не было угрозы — только констатация факта. — Тайная канцелярия предлагает сделку. Вы делаете для нас то, что умеете лучше всех, а мы... мы закрываем глаза на многое. На ваши мануфактуры, доставшиеся от Демидовых. На вашу горничную, с которой вы проводите вечера у камина. На ваши... скажем так, подчас нестандартные методы ведения дел. Вы ценный актив, с которым мы предпочитаем вести дела честно. Пока что.

У меня внутри похолодело. Он знал всё! Конечно, он знал... Тайная канцелярия знает всё...

— Это угроза? — спросил я, искренне надеясь, чтобы мой голос звучал ровно.

— Это реальность. — Фон Бок развёл руками. — Мы не враги вам, господин Канцлер. Мы даже не надзиратели. Мы — партнёры. Но в любом партнёрстве есть обязательства. Отработаете это дело — и будете свободны. До следующего раза. А мы, со своей стороны, щедро вам заплатим.

— До следующего раза?

— Ну, если, конечно, вы сами не захотите продолжить сотрудничество. — Он усмехнулся. — Такие люди, как вы, на дороге не валяются. Но это потом. А сейчас — да или нет?

Я смотрел на него, на эту карту с красным кругом, на мешочек с золотом, лежащий на столе, и понимал, что выбора у меня нет. Можно, конечно, отказаться. Уехать обратно в поместье, обнимать Лизу, считать барыши с мануфактур. И каждую ночь просыпаться в холодном поту, гадая, не пришёл ли за тобой кто-то вроде Фрица.

— Да. Я согласен.

Фон Бок кивнул, будто другого ответа и не ждал.

— Отлично. Документы и подробный инструктаж получите завтра утром. Фриц зайдёт к вам в особняк, скажет, когда выдвигаться. А пока — отдыхайте. Вам понадобятся силы.

Я поднялся, чувствуя, как дрожат колени. В голове пульсировала одна мысль: что скажет Лиза? Как объяснить ей, что я снова уезжаю в эту проклятую столицу, а потом в дыру на краю Империи, где, возможно, меня ждёт смерть?

— Господин Канцлер, — окликнул меня фон Бок, когда я уже взялся за ручку двери. — Я понимаю, о чём вы думаете. О той девушке. Не волнуйтесь, с ней ничего не случится. Мои люди за ней присмотрят.

Я обернулся. В его глазах не было насмешки — только спокойная уверенность.

— Спасибо, — тихо ответил я. — Надеюсь, вы сдержите слово.

— Я всегда держу своё слово. — С нажимом ответил он. — До завтра, господин Канцлер.

Я вышел в коридор. Грегор стоял на том же месте, прислонившись к стене, и при моём появлении вопросительно поднял бровь.

— Едем, — сказал я коротко. — В особняк Шумахера. Завтра... завтра будет долгий день.

— Что случилось, господин?

— Потом, Грегор. Всё потом.

Мы вышли в ночь. Морось уже прекратилась, но воздух стал ещё холоднее, чем был. Где-то вдалеке прокричал ночной сторож. Экипаж ждал нас на том же месте, а пустоглазый возник даже не шелохнулся, когда мы забрались внутрь.

Я откинулся на сиденье и закрыл глаза. В голове крутились обрывки разговора — Торнвальд, культисты, пропавшие люди, контракты, которые только я могу увидеть. И Лиза. Её улыбка, её тёплая рука, её голос, шепчущий: "Возвращайтесь скорее, господин Эмиль".

— Господин, — голос Грегора вырвал меня из задумчивости. — Мы приехали.

Я открыл глаза. За окном уже темнел родовой замок. Я просидел в своих мыслях целый день без сна.

— Грегор, — сказал я, прежде чем выйти. — Завтра мы уезжаем. Надолго. В Торнвальд. Это на востоке, у тёмного леса.

Он кивнул, будто только этого и ждал.

— Я с вами, господин.

— Я знаю. Спасибо.

Я выбрался из экипажа и побрёл к крыльцу. Где-то там, в тепле и уюте, меня ждала Лиза. И я должен был сказать ей, что снова ухожу. Что снова буду рисковать жизнью. Что наша спокойная жизнь, такая хрупкая и такая желанная, откладывается на неопределённый срок.

Дверь открылась прежде, чем я успел постучать. Лиза стояла на пороге в своём розовом платье, с растрёпанными волосами и испуганными глазами.

— Господин Эмиль! — выдохнула она. — Я слышала экипаж, подумала... вы вернулись так поздно... всё хорошо?

Я шагнул к ней, обнял, прижал к себе, забыв про приличия. Она пахла яблочным пирогом, теплом и домом. Тем, что я мог потерять.

— Всё хорошо, Лиза, — прошептал я, зарываясь лицом в её волосы. — Всё хорошо. Просто... завтра мне снова нужно уехать. По делам. Ненадолго.

Она замерла в моих объятиях. Потом подняла голову, посмотрела мне в глаза. В них стояли слёзы — ещё не пролитые, но уже готовые сорваться с её ресниц.

— Опять? — прошептала она. — Господин Эмиль, вы же только вернулись...

— Я знаю, — ответил я, глядя её по щеке. — Я знаю, прости. Но это важно. Если я не поеду... могут пострадать люди. Много людей. И я должен это остановить.

— Почему вы? — в её голосе звучала боль. — Почему... вы-ы-ы?

— Потому что так сложилось. — Я улыбнулся, стараясь, чтобы улыбка вышла ободряющей. — Потому что я умею то, чего не умеют другие. И потому что есть люди, которые на меня рассчитывают.

Она молчала долго, очень долго. А потом вдруг обхватила моё лицо ладонями и поцеловала.

Это был не тот лёгкий, почти невесомый поцелуй, которым она касалась моего лба по вечерам, когда я засыпал рядом. Это было нечто совсем иное — горячее, отчаянное, полное

страха и надежды одновременно. Я ответил на её поцелуй, чувствуя, как мир вокруг перестаёт существовать, как исчезают и тайная канцелярия, и Торнвальд, и хранители, и все эти ужасы, оставившие след в моей душе. Оставались только её губы, её руки, её дыхание.

— Возвращайтесь, — прошептала она, отрываясь от меня. — Пожалуйста, возвращайтесь. Живым.

— Обещаю, — ответил я.

Мы стояли на пороге, обнявшись, и ночной ветер трепал её волосы, донося запах осени и далёкой опасности. Где-то там, на востоке, у тёмного леса, меня ждал Торнвальд. А здесь, в этом доме, меня ждала она.

И я должен был к ней вернуться. Чего бы мне это ни стоило.

Утро следующего дня выдалось хмурым и ветреным. За окнами особняка неистовствовала осень — срывала последние листья, хлестала дождём по стёклам, завывала в печных трубах. Я сидел в гостиной, допивал уже третью чашку шоколада и пытался убедить себя, что всё будет хорошо.

Горничная с утра пораньше собрала мне огромный дорожный саквояж, ворча, что "господа совсем очумели мотаться по делам в такую погоду" и что "в Торнвальде этом, поди, и печки нормальной нет, и кормят там, небось, одной похлёбкой". Я слушал её ворчание с неприличным теплом — после столичных ужасов оно казалось почти колыбельной.

Фон Хаген появился в гостиной, когда я уже заканчивал завтрак. Старик выглядел встревоженным — насколько вообще мог выглядеть встревоженным человек, проработавший в Арбитраже тридцать лет.

— Молодой человек, — сказал он, усаживаясь в кресло напротив. — Я всё обдумал. Этот ваш Торнвальд... место гиблое. Я навёл справки. Там даже в лучшие времена было беспокойно, а уж теперь...

— Я знаю, Хаген, — перебил я. — Фон Бок вчера всё объяснил.

— И вы согласились?

— А у меня был выбор?

Старик помолчал, пожевал губами. Потом тяжело вздохнул.

— Выбор есть всегда, Эмиль. Просто не всегда он приятный. Но раз уж вы решили... будьте осторожны. Очень осторожны. Хранители — это вам не Демидовы. Демидовы были людьми, пусть и плохими. А эти... — он поёжился, — это не люди.

— Я помню, — ответил я, вспоминая серые лица и зашитые рты культивистов. — Я ничего не забыл.

— Дай бог, чтобы не пришлось вспоминать в самый неподходящий момент. — Фон Хаген поднялся, опираясь на трость. — Я буду здесь. Если что — пришлю весточку через Шумахера. Он, кстати, просил передать, что мануфактуры под контролем, можете не волноваться.

— Передайте ему мою благодарность.

В дверь постучали. Коротко, сухо, официально. Грегор, стоявший на посту у входа, распахнул дверь, и в гостиную влетел Фриц.

Сегодня он был в обычной дорожной одежде — добротный плащ, высокие сапоги, никаких тебе чёрных костюмов. Но улыбка осталась прежней — детской, беззаботной и оттого особенно жуткой.

— Господин Канцлер! — пропел он. — С добрым утром! Готовы к приключениям?

— Фриц, — кивнул я. — Хольгер с вами?

— Хольгер уже грузит припасы, — отмахнулся он. — Двое наших тоже на месте. Ждём только вас и вашего молчаливого друга. — Он покосился на Грегора, который окинул его оценивающим взглядом. — Кстати, привет. Рад, что ты ещё жив.

Грегор промолчал, только поправил хват на мече. Фриц хмыкнул, но комментировать это не стал.

— Выежаем через час, — сказал он, поворачиваясь ко мне. — Экипажи готовы, лошади свежие, провизия загружена. Маршрут знаете?

— Знаю.

— Отлично. Тогда я пока пойду, проверю, чтоб Хольгер ничего не забыл. Встретимся у ворот.

Он исчез так же внезапно, как появился, оставив после себя лёгкий запах тревоги.

— Не нравится мне этот тип, — буркнул Грегор. — Скользкий он. Как угорь.

— Зато свой, — ответил я, поднимаясь. — И в бою прикроет. Ладно, собираемся.

Я поднялся к себе, проверил документы — все на месте, печати настоящие, подписи подлинные. Сунул в карман несколько чистых листов — на всякий случай. Магия контрактов, хоть и пугала меня после случая с Гансом, оставалась моим главным оружием. А в Торнвальде, судя по всему, оно могло пригодиться.

В дверь несмело постучали. Я обернулся — на пороге стояла Лиза.

Она была в том самом синем платье, в котором я впервые увидел её после возвращения. Волосы убраны под чепец, руки теребят край передника. Глаза — огромные, влажные, полные такой боли, что у меня сердце разрывалось на части.

— Господин Эмиль, — прошептала она. — Я... можно?

— Заходи, Лиза. Конечно.

Она вошла, остановилась посреди комнаты, не зная, куда деть руки. Я шагнул к ней, взял её ладони в свои. Они были холодными, несмотря на тепло в доме.

— Я буду ждать, — сказала она, глядя мне в глаза. — Каждый день. Каждую ночь. Буду молиться, чтобы вы вернулись.

— Лиза...

— Нет, дайте сказать. — Она подняла руку, касаясь моей щеки. — Я знаю, что я просто служанка. Знаю, что между нами не может быть ничего... такого. Но я... я люблю вас, господин Эмиль. Очень. И если с вами что-то случится, я...

Она не договорила — слёзы хлынули из её глаз, и она уткнулась лицом мне в грудь, чтобы я не видел её плачущей. Я обнял её, прижал к себе, чувствуя, как дрожит её тело, как бьётся её сердце.

— Лиза, — прошептал я, гладя её по волосам. — Я вернусь. Обязательно. Ты только жди.

— Буду, — донеслось глухо. — Всегда буду.

Мы стояли так, наверное, целую вечность. За окном выл ветер, где-то внизу хлопала дверью Герта, поторапливая сборы. А для нас двоих не существовало ничего, кроме этого момента.

— Мне пора, — сказал я наконец, отстраняясь. — Не провожай. Так будет легче.

Она кивнула, вытерла слёзы рукавом и улыбнулась — той самой улыбкой, ради которой хотелось свернуть горы.

— Возвращайтесь, — прошептала она.

— Обещаю. И... — Я хотел сказать многое. О том, что обязательно придумаю, как нам быть вместе. О том, что сделаю всё возможное, но... Слова застряли у меня в горле.

Я взял саквояж, вышел в коридор и, не оборачиваясь, зашагал к лестнице. Если бы я обернулся, то, наверное, никуда бы не уехал. А ехать было нужно.

На крыльце меня ждали. Грегор с мечом на поясе, Фриц со своей неизменной улыбкой, Хольгер — мрачная глыба, нагруженная какими-то тюками, и двое оперативников, которых я видел впервые. Оба молодые, подтянутые, с холодными глазами.

— Все в сборе? — спросил Фриц. — Тогда выдвигаемся. До темноты нужно добраться до первой станции.

Экипажи тронулись. Я сидел у окна, глядя, как особняк медленно уплывает назад, как тают в серой дымке очертания родовых владений. Где-то там осталась Лиза. С моим обещанием вернуться.

Я коснулся пальцами кармана, где лежали чистые листы.

Меня ждал Торнвальд.

Глава 3. Тишина над Торнвальдом

Дорога до Торнвальда заняла ровно пять дней, и каждый из них был пропитан той особой, тягучей тоской, которая бывает только в бесконечных осенних путешествиях, когда за окном экипажа сменяют друг друга только мокрые поля, облетевшие перелески да унылые деревеньки с одинаково унылыми крестьянами. Я сидел, прижимая к груди папку с документами, которые фон Бок вручил мне перед отъездом, и в сотый раз перечитывал инструкции, хотя уже знал их наизусть.

Грегор дремал напротив, уронив голову на грудь, но даже во сне его рука лежала на рукояти меча. Бывший наёмник умел отдыхать с открытыми глазами — или, в данном случае, с закрытыми, но при этом чутко реагируя на любое изменение обстановки. Я видел, как его ноздри подрагивают, втягивая воздух, как веки чуть заметно поднимаются каждый раз, когда экипаж подпрыгивал на особо крупной кочке. Профессионал, что тут скажешь.

Фриц и Хольгер ехали в другом экипаже, вместе с двумя оперативниками, которых звали, кажется, Курт и Ленц. Я не запомнил, кто из них кто — оба были молоды, подтянуты, с одинаково холодными глазами и одинаково бесстрастными лицами. Фриц уверял, что они «надёжные ребята», но после того, что я видел на складе №13, слово «надёжный» в устах Тайной канцелярии приобретало несколько иной оттенок.

— Господин, — Грегор открыл глаза и сразу, без перехода, стал бодр и собран, — подъезжаем. Вон за тем холмом должны быть окраины.

Я выглянул в окно. Действительно, за очередным пологим подъёмом показались первые дома — серые, покосившиеся, с соломенными крышами, почерневшими от дождей. Дым из труб поднимался вяло, нехотя, будто и ему было лень выбираться наружу в такую промозглую погоду. Небо нависало над городом тяжёлой свинцовой плитой, и казалось, что даже воздух здесь был гуще и плотнее, чем в столице.

Тишина.

Я понял это не сразу. Сначала просто краем сознания отметил, что чего-то не хватает. А потом осознал, чего именно — звуков. Обычных городских звуков, которые сопровождают любой населённый пункт, даже самый захудалый. Не было слышно ни лая собак, ни крика петухов, ни перебранки торговков на рынке. Только ветер завывал в оголённых ветках да колёса нашего экипажа хрустели по мокрому гравию.

— Тишина какая, — сказал я вслух, и сам удивился, как громко прозвучал мой голос.

Грегор нахмурился, прислушиваясь.

— Да. Слишком тихо. Для города.

Экипаж въехал на центральную площадь.

Торнвальд, судя по всему, был городом, который знал лучшие времена. Дома здесь были каменными, двух- и даже трёхэтажными, с остроконечными крышами и резными ставнями. Ратуша в центре, сложенная из тёмного кирпича, с часами на башне и высоким шпилем, могла бы украсить и столицу. Но всё это великолепие было покрыто налётом запустения. Краска на ставнях облупилась, кое-где стёкла в окнах были заколочены досками, а мостовая, когда-то, видимо, аккуратно вымощенная булыжником, теперь напоминала поле боя после арт-обстрела.

На площади, ровно напротив ратуши, стояла делегация.

Я насчитал человек десять — двенадцать. Впереди, естественно, бургомистр. Его можно было узнать за версту — лощёный, улыбающийся, в дорогом, хоть и чуть старомодном, сюртуке, с золотой цепью на груди и пухлыми пальцами, униженными перстнями. Он стоял, выпятив животик, и излучал такое добродушие, что у меня сразу зачесались руки проверить его

финансовую отчётность. Глаза у него были маленькие, глубоко посаженные, и смотрели они оттуда, из глубины, с цепкостью, которая никак не вязалась с общей благодушной внешностью.

— Клаус Фогт, — пробормотал я, сверяясь с документами. — Бургомистр уже пять лет. До этого был купцом, разорился, потом вдруг сказочно разбогател и купил должность.

— Вдруг, — хмыкнул Грегор. — Люблю это слово. Обычно за ним стоит целый ворох трупов.

Рядом с Фогтом, на полшага позади, стоял начальник стражи. Родерик, если верить бумагам. Вот это был тип, который не вызывал желания немедленно проверить его отчётность, но вызывал желание держаться от него подальше. Мрачный, жилистый, с лицом, изрезанным шрамами так густо, что казалось, будто он дрался с бритвой и героические ей проиграл. Форма сидела на нём как влитая, на поясе висел боевой жезл — настоящий, боевой, а не парадная побрякушка. Он не улыбался. Он вообще никак не выражал эмоций, просто стоял и смотрел на наш экипаж, и от этого взгляда мне стало не по себе.

Третий, замыкающий эту странную тройцу, был полной противоположностью Родерику. Тощий, сутулый, с вечно кланяющейся спиной, он напоминал переросшую гусеницу, которая забыла окуклиться. Очки на носу съезжали, руки нервно теребили край сюртука, и весь его вид говорил: «Я здесь случайно, я вообще-то в архиве сидеть должен, а меня вытащили на люди, ужас какой, кошмар, сейчас упаду в обморок».

— Иоганн Шталь, секретарь магистрата, — прочитал я. — По документам — тишайший, безобиднейший человек, который только и делает, что перекладывает бумажки.

— Такие обычно самые опасные, — буркнул Грегор. — Тихие, безобидные, а потом раз — и вскрываются такие тайны, что весь город вздрагивает.

— Или их просто используют как ширму.

Наш экипаж остановился. Сзади заскрипели тормоза второго экипажа с оперативниками. Я глубоко вздохнул, поправил сюртук, сунул папку под мышку и выбрался наружу.

Воздух Торнвальда тут же ударил в нос сыростью, запахом гнилого дерева.

— Господин ревизор! — Фогт шагнул навстречу, распахнув руки для объятий, будто мы были старыми друзьями, а не встретились впервые. — Добро пожаловать в наш скромный Торнвальд! Какая честь, какая честь для нас! Столица наконец-то обратила внимание на нашу глушь!

Я едва увернулся от его медвежьих объятий, подставив для пожатия руку. Фогт с готовностью её стиснул, и я почувствовал, как его пухлые пальцы на миг сжались чуть сильнее, чем требовалось для простого рукопожатия. Проверка? Или просто привычка давить?

— Герр бургомистр, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал официально-сухо. — Эмиль фон Канцлер, уполномоченный ревизор Его Императорского Величества. Рад познакомиться.

— О, какие церемонии! — Фогт рассмеялся, но глаза его остались холодными. — Для нас вы просто дорогой гость! Прошу, прошу в ратушу, там уже накрыт стол, скромный, по нашим деревенским меркам, но от души! А это, — он обернулся, указывая на мрачного стража, — герр Родерик, начальник нашей городской стражи. Человек суровый, но справедливый! У него вон, — Фогт понизил голос до заговорщицкого шёпота, — всё лицо в шрамах, но вы не обращайте внимания, это он на службе, бандитов ловил, герой, можно сказать!

Родерик даже не кивнул. Только посмотрел на меня своим тяжёлым взглядом и коротко произнёс:

— Ревизор.

Это было всё его приветствие. Просто констатация факта.

— А это, — Фогт подтолкнул вперёд тощего секретаря, который от этого толчка едва не упал, — наш драгоценный Иоганн Шталь, секретарь магистрата! Душа общества, между прочим! Он у нас за все бумажки отвечает, все документы через него проходят. Если вам

что-то понадобится — архив, отчёты, запросы — обращайтесь смело, он покажет, расскажет, объяснит.

Шталь закивал, закланялся, едва не касаясь подбородком груди.

— Д-д-да, господин ревизор, я всё покажу, всё, что угодно, все документы в полном порядке, мы всё храним, всё учитываем, как велит закон, как положено, как предписано...

— Хватит, Иоганн, — перебил его Фогт, но без злости, скорее с отеческой снисходительностью. — Заговоришь человека. Господин ревизор с дороги устал, ему отдохнуть надо, а ты тут со своим архивом.

Я оглянулся на второй экипаж. Фриц уже выбрался наружу и стоял, прислонившись к дверце, с самым беззаботным видом. Хольгер замер за его спиной монолитной глыбой. Курт и Ленц остались внутри.

— Мои помощники, — пояснил я, перехватив взгляд Фогта. — Герр... э-э-э... Фридрих, мой секретарь. Герр Хольгер и герр Грегор — мои личные охранники. И ещё двое — для хозяйственных нужд. Если позволите — мы отдохнём с дороги. Боюсь праздничная трапеза станет излишней для наших животов с дороги.

— Очень предусмотрительно! — одобрил Фогт. — И охрану вы тоже не зря взяли. В нашем городе, знаете ли, тоже бывает... разное. Люди простые, тёмные, всякое случается. Так что охрана — это правильно.

Родерик при этих словах чуть заметно дёрнул щекой, но промолчал.

— Мы подготовили для вас резиденцию, — продолжал Фогт, жестом приглашая следовать за ним. — Дом бывшего бургомистра, нашего предшественника. Его, кстати, пришлось устранить — воровал, мерзавец, безбожно. Мы тут после него всё прибрали, вычистили, мебель новую завезли. Дом, правда, большой, но для вашей делегации — в самый раз. Идёмте, идёмте, это рядом, через площадь.

Мы двинулись вперёд. Фриц и Хольгер пошли следом, соблюдая дистанцию. Грегор замыкал шествие, и я кожей чувствовал, как он сканирует взглядом каждый угол.

Дом бывшего бургомистра оказался именно тем, что и обещал Фогт — большим, двухэтажным, из тёмно-серого камня, с остроконечной крышей и зарешеченными окнами первого этажа. Кованые ворота, мощёный двор, конюшня сбоку — всё говорило о том, что бывший хозяин жил не бедно.

— Вот, прошу! — Фогт распахнул тяжёлую дубовую дверь. — Располагайтесь, чувствуйте себя как дома. Если что-то понадобится — только скажите, слуги мигом всё организуют. У нас, правда, слуг немного, но самые расторопные приставлены именно к этому дому.

Мы вошли. Внутри было чисто, пахло свежей краской и чем-то ещё, кислым. Полы блестели, мебель — добротная, хоть и без изысков — стояла на своих местах, в камине уже потрескивали дрова. Уютно.

— Благодарю вас, герр бургомистр, — сказал я, оглядывая гостиную. — Очень любезно с вашей стороны.

— Пустое, пустое! — отмахнулся Фогт. — Это наш долг — принимать высоких гостей. Завтра утром, если позволите, я зайду, обсудим план вашей работы. А сегодня — отдыхайте, сил набирайтесь. Дорога долгая, утомительная, я знаю.

Он ещё раз улыбнулся, поклонился и вышел, увлекая за собой Родерика и Шталя. Тощий секретарь на прощание оглянулся, встретился со мной взглядом и тут же отвёл глаза, затравленно моргнув.

Дверь закрылась.

— Ну что, — Фриц ожил мгновенно, сбросив маску безликого секретаря, — проверим, как нас тут встретили?

— Проверим, — кивнул я.

Фриц шагнул в центр гостиной и... исчез. Вернее, не исчез, а будто размазался, превратился в сгусток тени, который заметался по комнате, забираясь в углы, под мебель, за шторы. Хольгер тем временем молча подошёл к стене и приложил к ней ладонь, прикрыв глаза.

— Чисто, — раздался из темноты голос Фрица, и через секунду он снова стоял перед нами как ни в чём не бывало. — Никаких артефактов слежения внутри. Ничего.

— Снаружи есть, — прогудел Хольгер, не открывая глаз. — Три точки. Напротив, на крыше. В соседнем доме, на чердаке. И ещё одна... в земле. Под окнами.

— В земле? — переспросил я.

— Закопана. Магическая ловушка-маячок. Если кто-то выйдет через окно — сработает.

— Профессионально работают, — хмыкнул Фриц. — Видно, не в первый раз за гостями следят.

Я подошёл к окну, осторожно отодвинул штору. За стеклом сгущались сумерки, фонари на площади уже зажглись, отбрасывая жёлтые круги на мокрую мостовую. Ничего подозрительного видно не было. Но я то знал — там, за этими уютными огоньками, за этими чистенькими фасадами, пряталось то, ради чего мы сюда приехали.

— Грегор, — позвал я. — Что скажешь?

— Скажу, что бургомистр врёт, — ответил тот, не отходя от двери. — Врёт профессионально, складно, но глаза у него не те. У честного человека глаза спокойные. У этого — бегают. Начальник стражи — молчит. Такие, как он, или очень честные, или очень продажные. Середины не бывает. А тощий... тот боится. По-настоящему. Не нас, а своих.

Я кивнул. Грегор подтвердил мои собственные ощущения.

— Ладно, — сказал я, возвращаясь в центр гостиной. — Фриц, что с прослушкой снаружи? Мешает?

— Пока нет. Пока мы внутри и не собираемся в окна прыгать, они просто слушают. Можно даже говорить спокойно — они слышат только то, что мы хотим, чтобы они слышали.

— Тогда договоримся так. — Я обвёл взглядом своих спутников. — Здесь, в доме, мы говорим только о бытовых вещах. О еде, о погоде, о том, как нам не нравится сырость. Всё серьёзное — или шёпотом в дальней комнате, или вообще не здесь. Фриц, ты можешь создать зону, где нас не слышно?

— Могу. — Он улыбнулся. — В подвале. Там сыро, темно, но тени любят такие места. Если мы спустимся туда и я поставлю полог, даже самый чуткий артефакт не услышит ни звука.

— Договорились. Грегор, первая смена — твоя. Спать будешь потом. Хольгер, разбери вещи, проверь, всё ли на месте. Курт и Ленц... пусть осмотрят дом. Вдруг наши добрые хозяева что-то забыли, кроме маячков снаружи.

Оперативники молча кивнули и растворились в полумраке коридоров. Хольгер взял наши саквояжи и понёс наверх. Фриц подошёл к камину, протянул руки к огню и блаженно улыбнулся.

— Хорошо здесь, — сказал он. — Тепло. Спокойно. Даже жалко, что это спокойствие — только ширма.

— Ты всегда такой философ? — спросил я, усаживаясь в кресло.

— Только когда предчувствую веселье. — Он обернулся, и в его глазах заплескали отблески пламени. — А здесь, господин Канцлер, будет весело. Очень весело. Я это чувствую.

Я не стал спрашивать, что именно он чувствует. У Тайной канцелярии свои методы и лезть в них мне совсем не хочется.

Вскоре за окном совсем стемнело. Где-то вдалеке завывала собака — и оборвала вой на полувзвук, будто ей заткнули пасть. Тишина над Торнвальдом сгущалась вместе с темнотой, становясь плотной и осязаемой, почти живой.

Я смотрел на огонь и думал о Лизе. О том, как она сейчас, наверное, сидит в моём кабинете в родовом особняке, смотрит на пустое кресло и ждёт меня.

— Господин, — голос Грегора вывел меня из задумчивости. — Смена караула. Идите спать. Завтра будет трудный день.

— Ты прав, — я поднялся, чувствуя, как наваливается усталость. — Фриц, ты со мной?

— Я пока здесь посижу, — отозвался тот, не отрываясь от огня. — Подумаю. О жизни. И о том, как мы будем развлекаться.

Я покачал головой и пошёл наверх, куда унёс мои вещи Хольгер.

Моя спальня оказалась большой, светлой и, как и всё в этом доме, стерильно чистой. Кровать с балдахином, пуховые подушки, тяжёлое шерстяное одеяло. На столике — графин с водой и стакан. В шкафу — пусто, только вешалки.

Я разделся, лёг, уставился в потолок. Мысли путались, скакали с одного на другое — бургомистр, начальник стражи, тощий секретарь, закопанные маячки, культисты в тёмном лесу. И Лиза. Её улыбка...

— Вернусь, — прошептал я в пустоту. — Обязательно вернусь.

Глаза закрылись сами собой, и я провалился в сон.

Глава 4. Пыль, хлам и спящие твари

Утро в Торнвальде встретило меня всё той же промозглой серостью, которая, кажется, намертво пропитала здешние камни, дерево и, подозреваю, человеческие души. За окном моей спальни, выходящим на главную площадь, лениво разгорался рассвет — нехотя, словно через силу продирая глаза сквозь тяжёлые тучи, нависшие над городом.

Я сидел за столом в гостиной, допивал уже вторую чашку шоколада — запас которого мы предусмотрительно захватили с собой, ибо местный, судя по вчерашнему ужину, делали из каких-то подгоревших жёлудей — и перебирал в голове план действий.

Фриц, устроившийся в кресле у камина с таким видом, будто век тут просидел, лениво помешивал кочергой угли.

— Ну что, господин ревизор, — пропел он, не оборачиваясь, — с чего начнём наш крестовый поход против местной бюрократии? С пыточных подвалов или сразу с бухгалтерских книг?

— С архива, — ответил я, отставляя чашку. — Если здесь и есть что-то интересное, оно должно быть в документах. Деньги, контракты, поставки, кадровые назначения... Всё оставляет следы.

— Ску-у-учно, — протянул Фриц. — Я бы лучше сходил в лес, пошуршал там кустами. Может, нашёл бы этих культистов и устроил им тёплый приём.

— Найдёшь, — пообещал я, поднимаясь. — Обязательно. Но сначала надо понять, с чем мы имеем дело. Хольгер, Грегор, вы со мной?

Хольгер, стоявший у двери с каменным лицом, молча кивнул. Грегор, который как раз вернулся с ночного дежурства, выглядел усталым, но бодрым.

— Я с вами, господин. Посплю потом.

— Тогда выдвигаемся. Фриц, ты остаёшься здесь. Присмотри за домом и нашими... слушателями. Если что-то изменится — дай знать. Двое ваших остаются с тобой.

— Есть, командир, — Фриц отсалютовал кочергой и снова уставился в огонь, напевая себе под нос какую-то жутковатую мелодию без слов.

Мы вышли на площадь. Утро в Торнвальде было таким же тихим, как и ночь. Несколько прохожих, завидев нас, шарахнулись в стороны, спрятали глаза и ускорили шаг. Лавки открывались нехотя, с задержками, будто сами торговцы не были уверены, стоит ли сегодня вообще начинать торговлю. Собака, привязанная у крыльца одного из домов, при нашем приближении не залаяла, а жалобно заскулила и забила под крыльцо.

— Весёлое местечко, — прокомментировал Грегор, оглядываясь. — Прямо курорт.

— Курорт с сюрпризом, — согласился я.

Ратуша встретила нас всё тем же запахом сырости и влажной земли. В холле нас уже поджидал секретарь Шталь. Тощий, сутулый, он напоминал перепуганного хорька, которого вытащили из норы и заставили стоять на задних лапах перед удавом. При нашем появлении он засуетился, закланялся, едва не касаясь носом собственных коленей.

— Г-г-господин ревизор! — залепетал он, путаясь в полах своего слишком длинного сюртука. — Как же рано вы сегодня! Я думал, вы ещё отдыхаете с дороги, а вы уже... уже... Я сейчас, сейчас всё организую, герр Фогт велел оказывать вам всяческое содействие, так что я...

— Герр Шталь, — перебил я его максимально мягко, видя, что человек на грани обморока. — Успокойтесь. Мне нужен архив. Просто покажите, где он, и можете быть свободны. Дальше я сам разберусь.

— А-а-архив? — Лицо секретаря вытянулось ещё сильнее, если это вообще было возможно. — Но... но там же... там такой беспорядок... Мы, конечно, пытались наводить порядок,

но всё никак руки не доходили, дел много, знаете ли, а герр Фогт говорил, что архив не самое важное, что можно и потом, но потом как-то всё...

— Герр Шталь, — я повысил голос ровно настолько, чтобы он замолчал. — Я здесь не для того, чтобы оценивать порядок. Я здесь для того, чтобы работать. Просто покажите мне нужную дверь.

Секретарь сглотнул, кивнул и, развернувшись, засеменил вглубь ратуши, то и дело оглядываясь — не отстаём ли. Мы двинулись за ним, петляя по коридорам, спускаясь по лестницам и снова поднимаясь. Здание явно строилось без всякого плана, прирастая новыми крыльями и переходами по мере надобности, и теперь представляло собой лабиринт, в котором можно было блуждать часами.

Наконец мы остановились перед массивной дубовой дверью в самом конце длинного, плохо освещённого коридора.

— Вот, — Шталь указал дрожащей рукой. — Здесь. Только... только вы, наверное, не заходите сразу, там... там мыши, наверное, завелись, а может, и крысы, и вообще...

— Я не боюсь мышей, герр Шталь, — заверил я его. — Ключ у вас?

Ключ у него, конечно, был. Огромный, старый, проржавевший, он с трудом повернулся в замке, но дверь всё же поддалась, открываясь с таким жутким скрипом, что у меня на мгновение заложило уши.

Я шагнул внутрь и замер на пороге, пытаясь осознать увиденное.

Это был даже не архив. Это была свалка.

Огромное помещение — наверное, когда-то здесь был зал для приёмов или даже балльный зал — теперь было завалено бумагами. Они лежали грудками на полу, громоздились стопками на подоконниках, свисали со столов и стульев, которые едва угадывались под этой бумажной лавиной. Стеллажи, когда-то, видимо, аккуратно стоявшие вдоль стен, теперь напоминали кривую башню — покосившиеся, готовые рухнуть в любой момент, с папками, свисающими с полок, как языки у уставших собак.

Пахло здесь соответственно.

Где-то в углу, под грудой древних фолиантов, что-то зашуршало и затихло. Над одной из стопок бумаг висел едва заметный магический туман.

Я прикрыл глаза, активируя своё зрение, и тут же пожалел об этом.

Помещение расцвело тысячами нитей. Они тянулись во все стороны — от одних бумаг к другим, от пола к потолку, от стен к центру зала. Некоторые из них были тусклыми, почти погасшими — старые контракты, давно утратившие силу. Но другие... другие пульсировали, переливались, дышали, будто живые. Они обвивали стопки бумаг, проходили сквозь стены и терялись где-то в недрах ратуши, соединяя этот хаос с живыми людьми и давно умершими магами.

И всё это — вперемешку. Обычные договоры на поставку дров для отопления ратуши лежали в одной куче с древними магическими контрактами, заключёнными, судя по виду бумаги, лет двести назад. Купчие на землю соседствовали с проклятиями, запечатанными в пожелтевшие свитки. А в углу, под грудой каких-то ветхих тряпок, я заметил книгу в кожаном переплёте, которая явно шевелилась. Сама по себе.

— Господин... — голос Грегора донёсся откуда-то издалека. — Господин, вы в порядке?

Я закрыл глаза и глубоко вздохнул. Магическое зрение отключилось, усталость навалилась на плечи, и мир снова стал обычным — пыльным, вонючим, но хотя бы не пульсирующим тысячами нитей.

— В порядке, — ответил я хрипло. — Просто... просто перевариваю увиденное.

Шталь, который всё это время топтался в дверях, затравленно оглядывался.

— Я... я говорил, что тут беспорядок, — пролепетал он. — Мы пытались, правда, пытались, но всё как-то...

— Герр Шталь, — сказал я, поворачиваясь к нему. Лицо моё, должно быть, было красноречивее любых слов, потому что секретарь побледнел и отступил на шаг. — Вы свободны. Идите. Займитесь своими делами. Мне нужно... осмотреться. Наедине.

— Но... но герр Фогт велел...

— Я передам герру Фогту, что вы оказали мне неоценимую помощь и были невероятно любезны, — перебил я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — А теперь прошу вас — идите.

Шталь поклонился и исчез в коридоре с такой скоростью, будто за ним гнался демон из бездны. Дверь за ним закрылась, и мы остались одни в этом бумажном аду.

— Грегор, — сказал я, обводя рукой помещение, — будь добр, найди мне место, куда можно сесть. Или хотя бы встать, не наступив на что-нибудь важное. Или опасное.

— Хольгер, прикрой дверь. Если кто-то сунется — предупреди.

Громила кивнул и занял позицию у входа, сложив руки на груди. Грегор же, чертыхаясь и осторожно переступая через груды бумаг, начал прокладывать путь вглубь архива.

— Здесь есть стол, — донеслось из темноты. — И даже стул. С виду целые.

Через минуту я уже сидел за этим столом, оглядывая ближайшие завалы. Грегор встал рядом, положив руку на меч.

— Господин, — спросил он тихо, — что это за место? Я, конечно, в архивах не специалист, но чтобы такой бардак... Это же преступление какое-то.

— Именно, — ответил я, беря в руки первый попавшийся лист. — Это не просто преступная халатность, Грегор. Это диверсия. Точнее, результат долгой и систематической диверсии.

Я повертел лист в руках. Обычный договор на поставку двадцати возов дров для отопления ратуши. Дата — трёхлетней давности. Подписи, печати, всё как положено. Но магическим зрением я видел, что рядом с ним, буквально в паре сантиметров, лежит древний контракт о нерушимой клятве крови, заключённый между двумя магами ещё при прошлом императоре. И их магия взаимодействовала. Слабенько, едва заметно, но взаимодействовала. Через год-другой такого соседства договор на дрова мог превратиться в... что угодно. В долговую расписку кровью. В проклятие на поставщика. Да хоть в призыв мелкой нечисти в кабинет бургомистра!

— Хольгер, — позвал я, — ты в магии разбираешься лучше моего. Скажи, что чувствуешь?

Громила прикрыл глаза, прислушиваясь к себе. Потом открыл и мрачно посмотрел на меня.

— Дурное место, — сказал он. — Магия кипит. Не видно, но чувствуется. Как будто стоишь над котлом с варевом, которое вот-вот закипит и выплеснется.

— Именно. — Я отложил договор на дрова и взял следующий лист. — А теперь представь, что этот котёл стоит в центре города. И если он закипит...

— Никому мало не покажется, — закончил за меня Грегор. — Я понял, господин. И что делать?

— Для начала — понять, что здесь происходит. — Я поднялся и прошёлся между завалами, стараясь не наступать на бумаги, которые казались особенно подозрительными. — Это не могло случиться само собой. Чтобы довести архив до такого состояния, нужны годы. Десятилетия. Кто-то систематически уничтожал здесь любой порядок. Выкидывал документы из папок, перемешивал их, создавал этот хаос. И делал это не просто так.

— Зачем?

— А затем, — я остановился у груды свитков, — что в этом хаосе можно спрятать что угодно.

Я нагнулся и осторожно, стараясь не касаться ничего голыми руками, раздвинул несколько свитков. Под ними оказалась папка. Обычная, кожаная, с завязками. Я поднял её, сдул пыль и открыл.

Внутри лежали документы. Аккуратно подшитые, пронумерованные, с печатями и подписями. Резкий контраст с окружающим хаосом резанул глаз почище любой магии. Я пролистал первые страницы — отчёты о поставках зерна в гарнизон западного тракта. Добротные, чистые, без единой пометки. Ровно такие, какие и должны лежать в архиве.

— Господин, — окликнул меня Грегор из-за спины. Он стоял у входа, переминаясь с ноги на ногу, и с явным беспокойством оглядывал груды бумаг вокруг. — Может, нам лучше подождать снаружи? А то вдруг я наступлю на что-нибудь... э-э-э... неправильное?

Я обернулся и посмотрел на своего телохранителя. Грегор, наёмник, прошедший десятки схваток, сейчас выглядел так, будто стоял на минном поле в одних носках. И, по сути, так оно и было.

— Ты прав, — сказал я. — Выйдите оба. Встаньте у двери снаружи и никого не пускайте. Ни Фогта, ни Шталя, ни даже самого императора, если он вдруг нагрянет сюда с проверкой.

— А если придёт кто-то очень настойчивый? — уточнил Грегор, и его рука привычно легла на рукоять меча.

— Тогда действуй по обстоятельствам. — Я усмехнулся. — Но без трупов, пожалуйста. Пока что.

— Понял, господин. — Грегор кивнул и исчез за дверью, увлекая за собой молчаливого Хольгера.

Через мгновение дверь за ними закрылась, и я остался один в этом бумажном аду.

Я глубоко вздохнул и прикрыл глаза, активируя магическое зрение.

Мне предстояло очень много работы.

Глава 5. Тот, кто дышит среди бумаг

С исчезновением моих спутников архив погрузился в тишину. Лишь изредка издалека доносился тихий скрип полок, размеренный плеск капающей воды, да писк мышей, погребённых под толстым слоем бумаг.

В этом плане картина, открывшаяся моему взгляду, разительно отличалась от звуков. Тонкие светлые нити опутывали всё пространство вокруг меня, и мне даже на миг показалось, что я стою посреди беззвучного серебряного дождя, капли которого быстро бегают между бумагами.

Я моргнул, прогоняя наваждение, и сделал глубокий вдох. Пахло здесь, конечно, совсем не серебряным дождём. Всюду ощущалась... затхлость. Запах старого архива, в который десятилетиями не заглядывала толком ни одна живая душа, если не считать местных грызунов.

— Итак, Эмиль, — сказал я себе шёпотом, потому что говорить вслух в этой гробовой тишине было как-то боязно. — Ты хотел приключений? Получай. Разгребай это сокровище.

Я огляделся, пытаюсь прикинуть, с чего вообще начать. Груды бумаг громоздились вокруг, как снежные заносы после особо свирепой метели. В некоторых местах они достигали высоты моего роста, и пробираться между ними приходилось как по узким ущельям — бочком, стараясь не задеть ничего лишнего, чтобы не обрушить на себя лавину многовековой пыли и, чего доброго, не быть погребённым заживо под тяжестью чужих долговых расписок.

— Господин ревизор, блин, — пробормотал я, подходя к ближайшей стопке и осторожно вытягивая верхний лист. — Сидел бы сейчас в кабинете, пил шоколад, любовался Лизой...

При мысли о Лизе внутри кольнуло. Интересно, что она сейчас делает? Наверное, уже проснулась, надела своё платье и сейчас хлопочет по хозяйству, то и дело поглядывая на дорогу, по которой я уехал вчера утром. А может, сидит в моём кабинете, смотрит на пустое кресло и вяжет свой бесконечный серый шарф. Я обещал ей вернуться... Я должен вернуться.

— Ладно, Лиза, это я тебе не в упрёк, — вздохнул я, откладывая лист в сторону и берясь за следующий. — Просто мысли вслух. Чтобы не сойти с ума от этой тоски.

Вот договор на поставку двадцати возов сена для гарнизонных лошадей. Трёхлетней давности. Ничего интересного. Я отбросил его в сторону и тут же понял, что это была ошибка — бумага, скользнув по стопке, увлекла за собой ещё несколько листов, и они с тихим шелестом спланировали на пол, присоединяясь к общему хаосу.

— Дьявол.

Пришлось лезть за ними, нагибаться, рискуя уткнуться головой в какую-нибудь древнюю паутину. Пауков я, к счастью, не обнаружил — видимо, даже они не выдерживали этого бумажного апокалипсиса и предпочитали селиться где-нибудь под потолком, подальше от обезумевших кип документов.

Выпрямившись, я поймал себя на мысли, что машинально прикрыл глаза, вновь активируя магическое зрение. Мир вокруг тут же изменился, заиграл новыми красками. Точнее, одной краской — серебристой. Нити контрактов, которые до этого были едва заметны на периферии, теперь проступили особенно ярко и чётко, опутывая каждую бумагу, каждый свиток, каждую их пожелтевшую страницу.

Я замер, вглядываясь в эту картину. Если в обычном зрении здесь царил хаос, то вот в магическом... магическим хаос был ещё более пугающим. Тысячи, десятки тысяч нитей сплетались в невообразимый клубок. Они проходили сквозь стены, уходили в потолок и пол, перекрещивались, накладывались друг на друга, создавая такой плотный узор, что глазу становилось больно.

— Ну и как в этом разбираться? — спросил я у пустоты. — Это же просто... каша какая-то.

Каша, однако, была не совсем бессмысленной. Присмотревшись, я начал замечать закономерности. Вот здесь, например, скопление нитей тусклых, едва светящихся — видимо, старые, давно утратившие силу контракты, которые лежат мёртвым грузом, ни на что не влияя. А вот тут, наоборот, пульсирующие, яркие — свежие, ещё действующие. Они тянулись от бумаг куда-то сквозь стены, к тем людям, которые их подписывали.

Я потянулся к одной из таких нитей, чисто инстинктивно, и тут же отдёрнул руку. От соприкосновения с моей кожей нить полыхнула ярче, и в голове на мгновение вспыхнул обрывок информации: «Поставщик обязуется доставить... двадцать мешков... в случае просрочки пеня...». Я мотнул головой, прогоняя наваждение.

— Осторожнее, Эмиль, — сказал я себе. — Тут не портовый склад, тут этого добра навалом, и неизвестно ещё, какое из них может оказаться опасным.

Я отключил зрение и просто постоял посреди зала, переводя дух. Голова слегка кружилась — всё-таки даже короткое пребывание в мире контрактов отнимало силы. Но выбора у меня не было. Если я хочу найти здесь что-то полезное, мне придётся работать именно так — вглядываясь в ту самую паутину, которую никто, кроме меня, не видел.

— Ладно. — Я хлопнул себя по щекам, разгоняя кровь. — За работу.

Следующие два часа моей жизни превратились в ад.

Я методично перебирал бумаги, включая магическое зрение на несколько секунд, чтобы оценить каждую стопку, и тут же выключая его, чтобы дать глазам и ядру отдохнуть. Информации было слишком много. Каждая нить несла в себе целый ворох данных — даты, имена, условия, магическую силу обязательства. Мозг кипел, пытаясь переварить этот поток, и к концу второго часа я чувствовал себя так, будто меня прожевали и выплюнули.

В какой-то момент я понял, что сижу прямо на полу, прислонившись спиной к груде каких-то фолиантов, и смотрю в одну точку. Перед глазами всё плыло, в висках стучало, а из носа... из носа что-то капало. Я провёл рукой — кровь. Самая настоящая, алая, густая.

— Чудесно, — прохрипел я, задирая голову и пытаясь заткнуть ноздри подвернувшимся под руку листом. — Просто чудесно. Первый день в Торнвальде, а я уже истекаю кровью в местном архиве. Лиза бы сейчас точно сказала, что я ненормальный...

При мысли о Лизе внутри снова потеплело. Я представил, как она, увидев меня в таком виде, всплеснула бы руками, захохала, принесла бы воды и свой чудодейственный отвар из трав, которым лечила меня после приключений в столице. А потом, конечно, устроила бы выговор — строгий, но с той самой мягкой улыбкой, от которой у меня сердце пропускало пару ударов.

— Лиза, — прошептал я, глядя в потолок, где плясали тени от редких магических светильников, и толком ничего не соображая. — Я обязательно вернусь. Только найду здесь что-нибудь... или не найду, но вернусь.

Вскоре кровь остановилась. Я вытер лицо рукавом, поднялся на ватных ногах и снова включил зрение.

Мир вспыхнул серебром, и на этот раз я заметил кое-что новое. Среди общего хаоса нитей некоторые вели себя странно. Они не просто пульсировали в такт своим контрактам, а как будто... двигались. Переползали с места на место, переплетались со своими соседями, то усиливаясь, то затухая. Словно живые.

— Так, — я шагнул ближе к одной из таких нитей, стараясь не касаться её. — Это уже интересно.

Я проследил за ней взглядом. Она тянулась от груды каких-то древних свитков в дальнем углу, проходила сквозь несколько стопок помоложе, а потом терялась где-то в центре зала, в самой гуще бумажного месива. И по пути она, кажется, питалась от других нитей — впитывала их сияние, поглощала его, становилась толще и ярче.

— Хищник, — понял я вдруг. — Это хищник!

Идея о том, что магический контракт может быть хищником, звучала безумно. Но после всего, что я видел на складе, после Фрица и Хольгера, после серых лиц Хранителей Крови, меня уже мало что могло удивить. Если люди могут становиться инструментами и брать займы чужие части тел, то почему контракты не могут пожирать друг друга?

Я осторожно приблизился к тому месту, откуда, как мне казалось, исходил этот странный импульс. Здесь, посреди общего хаоса, была небольшая расчищенная площадка — метра два в диаметре, окружённая со всех сторон высокими стенами из бумаг. На ней лежала груда самых обычных с виду документов — долговые расписки, накладные, счета.

Я присел на корточки, включил зрение и... замер.

Сердце испуганно пропустило удар.

Под этой грудой, в самой её глубине, что-то дышало.

Я не мог этого видеть обычным зрением, но магическим видел отчётливо. Ритмичные, медленные, глубокие пульсации исходили из-под вороха дешёвой, выцветшей бумаги. Это было похоже на биение гигантского, древнего сердца, которое спало сотни лет и только сейчас, почуввав близость живого мага, начинало просыпаться.

В отличие от других нитей, которые метались, шипели и искрили, эта пульсация была спокойной. Умиротворённой. И именно это спокойствие пугало больше всего. Хищник, который не рычит, а терпеливо ждёт, пока добыча сама подойдёт поближе, — самый опасный.

— Тихо, тихо, — прошептал я, не зная, к кому обращаюсь — к себе или к тому, что дышало в бумаге. — Я просто посмотрю. Просто проверю.

Я протянул руку к верхнему листу. Обычная долговая расписка, каких здесь тысячи. Мужик должен купцу пять золотых за лошадь. Слабая, почти погасшая нить, которой уже лет двадцать, наверное. Я отбросил её в сторону. Следующий лист — накладная на поставку зерна. Тоже пустышка. Ещё один, ещё, и ещё...

Руки двигались сами собой, а магическое зрение не отключалось ни на секунду. Я видел, как с каждым снятым листом пульсация становилась всё отчётливее, всё ярче. Дыхание того, что пряталось внизу, учащалось. Оно чувствовало, что его убежище вскрывают, и, кажется, просыпалось окончательно.

Последний слой. Под ним, на самом дне, лежал лист. Обычный с виду — пожелтевший, выцветший, с неровными краями. Старый пергамент, какие использовали в судах ещё лет сто назад. Никаких особых примет. Ни печатей, ни ярких надписей, ни родовой вязи, видимой обычным глазом.

Но в мире контрактов этот лист сиял.

Он пульсировал ровным, глубоким, алым светом. От него во все стороны тянулись толстые, как канаты, нити, которые впивались в окружающие документы и питались ими. Этот контракт был центром своей паутины. Он создал этот островок спокойствия вокруг себя и небольшую кипу документов над собой, чтобы спрятаться, чтобы его никто не нашёл. А он сам мог делать всё, что ему вздумается.

Одушевлённый контракт... Договор, долгие годы питающийся магией и обретший собственную жизнь...

— Ну здравствуй, — замороженно прошептал я, глядя на него. В первый раз я встречал с чем-то подобным. Надо было быть осторожнее...

И тут же я понял, что уже совершил ошибку.

В тот момент, когда моё внимание сфокусировалось на контракте, он проснулся окончательно. Пульсация, до этого медленная и ритмичная, превратилась в бешеный взрыв! Алая вспышка ослепила меня, и мир вокруг исчез.

Я больше не видел ни архива, ни бумаг, ни стен. Я стоял в пустоте, а передо мной парил он — тот самый лист пергамента. Только теперь он был огромным, в человеческий рост, и

текст на нём светился багровым, складываясь в слова, которые я не мог прочитать, но каким-то образом понимал.

«Приносящий себя в жертву... обязуется служить до скончания века... кровь за кровь... душа за душу...»

Это был контракт на вечное рабство. Самый страшный, какой только можно представить. Тот, кто его подписывал, отдавал себя полностью — без остатка, без надежды на освобождение. И этот контракт, заключённый столетия назад, всё ещё был в силе...

Из пергамента потянулись руки. Призрачные, сотканные из дыма и строк текста, они тянулись ко мне, обвивали запястья, поднимались всё выше, к лицу. Я попытался вырваться, но не смог даже пошевелиться. Губы сжались, будто невидимая ладонь зажимала мне рот. В горле застрял крик, который никак не мог вырваться наружу.

— Тсс, — услышал я шёпот, прозвучавший прямо в голове. — Не сопротивляйся, малец.

Руки сжимались всё сильнее. Я чувствовал, как сознание начинает угасать, как реальность расплывается, уступая место багровому зареву. Где-то далеко-далеко, за тысячи вёрст отсюда, я смутно слышал голос Лизы, зовущей меня по имени. И... И... Я ощущал дыхание чего-то потустороннего на своём затылке...

Последняя мысль перед тем, как провалиться во тьму, была о Лизе. О её улыбке. О её тёплых ладонях. О том, что я обещал вернуться.

— Лиза... прости меня...

И спустя всего мгновение тьма вокруг меня сомкнулась.

А в реальном мире, посреди пыльного, вонючего архива, стоял Эмиль Канцлер, сжимая в руках ничем не примечательный старый пергамент. Глаза его были широко раскрыты и смотрели в никуда. По его щекам текли слёзы.

А за дверью, в коридоре, Грегор, закончивший вторую смену, спокойно переговаривался с Хольгером, обсуждая местную кухню и сетуя на отсутствие приличного мяса в таверне. Они не слышали ничего подозрительного. В архиве было по-прежнему тихо...

Слишком тихо.

Глава 6. Контракт для контракта

Сознание возвращалось медленно и тягуче, словно я выныривал из глубокого омут, где время текло совершенно иначе. Первым, что я осознал, была темнота. Но не та приятная мгла, что бывает в комнате без свечей, когда глаза постепенно привыкают а тусклому свету и начинают различать очертания предметов. Это была абсолютная, всепоглощающая тьма, в которой не существовало ни верха, ни низа, ни стен.

Второе — я всё ещё сжимал в пальцах этот проклятый пергамент. Его текстура — старая, потрескавшаяся — ощущалась отчётливо, хотя своего тела я тоже, кажется, не чувствовал.

— Чудесно, — сказал я вслух, и мой голос не породил эха. Он просто прозвучал и тут же утонул в этой бесконечной пустоте, как камень в болоте. — Просто чудесно. В первый же день в новой командировке я умудрился угробиться в местном архиве...

Я попытался ущипнуть себя за руку. Бесполезно. Ни боли, ни даже ощущения прикосновения. Либо у меня нет рук, либо здесь не работают базовые законы природы.

— Ладно, Эмиль, — сказал я себе, стараясь, чтобы голос звучал бодрее, чем я себя чувствовал. — Ты учился у отца. Ты читал его записи. Что он говорил про магические ловушки? Про иллюзии?

Воспоминание пришло неожиданно ярко, будто отец стоял рядом и шептал мне на ухо.

— Эмиль, запомни главное, — говорил он, склонившись над очередным древним фолиантом в нашем кабинете. Мне тогда было лет двенадцать, и я больше смотрел на пылинки, танцующие в луче солнца, чем на раскрытую книгу. — Любая иллюзия, даже самая совершенная, всегда имеет одну слабость.

— Какую? — спросил я, зевая.

— Она не может создать то, чего не знает. — Отец поднял палец, привлекая моё внимание. — Понимаешь? Иллюзия — это обман чувств. Она показывает тебе то, что ты ожидаешь увидеть, или то, чего боишься. Но она не способна придумать нечто принципиально новое. Если ты поймёшь, что перед тобой иллюзия, и начнёшь искать в ней несоответствия — ты её разрушишь. Не магией, нет. Разумом. Ведь любая иллюзия, даже самая совершенная, лишь рождается из магии, но существует именно там — в твоей голове.

— Разумом, — повторил я, оглядывая тьму вокруг. — Легко сказать...

И в этот момент темнота ожила.

Сначала раздался просто звук. Где-то далеко, на грани слышимости, зазвенел смех. Высокий, ледяной, нечеловеческий. Он приближался, рос, множился, пока не заполнил собой всё вокруг, заставляя меня инстинктивно зажмуриться, хотя здесь нечего было видеть.

А когда я открыл глаза, вокруг уже всё изменилось.

Я стоял в своём кабинете. В родовом особняке. Всё вокруг было знакомо до мелочей — стол, заваленный бумагами, чернильница на краю, кресло у камина, даже плед, которым Лиза укрывала меня, когда я засыпал за работой. На столе дымились чашка горячего шоколада.

— Господин Эмиль?

Я обернулся. В дверях стояла Лиза. В своём тёмно-синем платье, с выбивающимися из-под чепца волосами. Она улыбалась той тёплой, мягкой улыбкой, от которой у меня всегда замирало сердце.

— Вы совсем заработались, — нежно сказала она, входя в комнату. — Даже не заметили, как я пришла. Я принесла вам пирожки, совсем свежие, с повидлом. Повариха сегодня напекла целый противень.

Она поставила тарелку на стол и повернулась ко мне. В её глазах плясали знакомые смешинки.

— Лиза... — выдохнул я, делая шаг к ней.

И остановился.

Что-то было не так... Не в ней — она как всегда была идеальна. Даже слишком идеальна. Каждая складочка на платье, каждый блик света на её волосах, каждая чёточка её лица — всё было именно таким, каким я помнил. Но именно эта идеальность и резала глаз.

В реальности Лиза никогда не бывает идеальной. У неё вечно выбивается непослушный локон, который она то и дело заправляет за ухо. На переднике — маленькое пятнышко от вчерашнего пирога. Она чуть заметно хмурит брови, когда волнуется, и прикусывает губу, когда думает, что я на неё не смотрю.

А эта Лиза смотрела на меня с той же неподвижной, застывшей улыбкой. Словно маска.

Она такая, какой я её помню и вижу. Но не такая, какая она в реальности.

— Вы не рады меня видеть, господин Эмиль? — спросила она, и в её голосе мне послышалась насмешка. Ледяная, чужая.

— Ты не Лиза, — сказал я твёрдо, отдёргивая руку назад.

Улыбка на её лице треснула. Буквально — по щеке побежала тонкая чёрная линия, из которой полилась тьма. Лицо осыпалось, как старая штукатурка, и под ним оказалась пустота. Просто чёрный провал, в котором закручивалась воронка.

— Какой догадливый мальчик, — прошелестело нечто из пустоты, и комната вокруг меня задрожала, поплыла, рассыпаясь на куски.

Я снова оказался во тьме. Но теперь здесь были тени.

Они двигались по краям моего зрения — смутные силуэты, которые невозможно было рассмотреть. Они хихикали, перешёптывались, тянули ко мне свои длинные костлявые руки. Я чувствовал их холодные, липкие прикосновения, хотя ничего не касалось моей кожи.

Сверху упала чернильница. Самая обычная, керамическая, точь-в-точь такая же, как та, что вечно норовила перевернуться на моём столе. Она грохнулась об пол — или об то, что здесь было полом — и разлетелась вдребезги. Фиолетовые чернила растеклись по невидимой поверхности, складываясь в буквы. В слова. В предложения.

Ты умрёшь здесь, счетовод.

Никто не придёт.

Ты будешь вечно блуждать в темноте...

Тени захихикали громче... Они обступили меня плотным кольцом и закружились в каком-то диком танце.

— Остроумно, — сказал я, стараясь, чтобы мой голос не дрожал. — Прямо-таки высший пилотаж иллюзий. Чернильницы, падающие из ниоткуда. Тени, хихикающие за спиной. Я бы даже испугался, если бы мне было лет пять.

Хихиканье стихло. Тени замерли, будто прислушиваясь.

— Серьёзно? — продолжил я, чувствуя, что нащупал какую-то верную интонацию. — Это всё, на что ты способен? Страшилки для младенцев? Мой кузен Рихтер и то креативнее пугает, когда пытается объяснить, почему разбил очередной кристалл.

Тьма вокруг меня колыхнулась. Нехорошо так колыхнулась, будто я задел её за живое. Или за мёртвое...?

— Ах, не нравится критика? — Я позволил себе усмехнуться. — Понимаю. Ты, наверное, привык, что все, кто сюда попадают, сразу писаются от страха и молят о пощаде. А тут пришёл какой-то счетовод и смеётся над твоими художествами. Обидно, да?

Из темноты донёсся низкий, вибрирующий звук. Не то рык, не то стон. Или, может быть, смех? Разобрать было трудно.

— Ладно, — сказал я, сжимая в пальцах пергамент, который всё ещё ощущался как единственная реальная вещь в этом мире теней. — Давай серьёзно. Ты — контракт. Старый, сильный, явно не глупый, раз умеешь создавать такие иллюзии. А я — маг, который случайно на тебя наткнулся. Давай поговорим как разумные существа?

Тишина. Тени замерли окончательно, превратившись в неподвижные чёрные столбы.

— Не хочешь разговаривать? — Я пожал плечами. — Ну, как знаешь. Тогда я, пожалуй, пойду.

Я сделал шаг вперёд, прямо сквозь ближайшую тень. Та взвизгнула и отшатнулась, будто я был раскалённым железом. Или она просто сыграла? Чёрт их разберёт, эти иллюзии.

— Ты не можешь уйти, — раздался голос. Не тот ледяной смех, а вполне отчётливый, хоть и странно звучащий — будто говорили сразу двое, накладывая слова друг на друга. — Ты мой. Ты коснулся меня. Теперь ты принадлежишь мне...

— Во-первых, — я остановился, но не обернулся, — никому я не принадлежу. Я свободный человек и имперский подданный, между прочим. Во-вторых, ты путаешь прикосновение с подписью. Я тебя не подписывал. Я просто... поздоровался, если хочешь.

— Ты пробудил меня, — голос стал громче, в нём слышались вибрации, от которых у меня заломило в висках. — Столько лет я спал. Столько лет меня никто не тревожил. А ты пришёл и разбудил. Теперь ты ответишь!

— За то, что разбудил? — усмехнулся я. — Обычно за это благодарят, а не убивают. Или у вас, у оживших контрактов, другие правила приличия?

Темнота вокруг меня взорвалась образами.

Я увидел битву. Древнюю, страшную, на грани реальности и кошмара. Двое магов стояли друг напротив друга посреди каменного круга, испещрённого рунами. Один — в серой мантии, с глазами, в которых зияли чёрные провалы и из которых сочились тьма. Второй — в багровых одеждах. Его пальцы двигались так быстро, что за ними невозможно было уследить.

Маг смерти и маг иллюзий.

Они сражались не на жизнь, а на смерть. Их магия сталкивалась, переплеталась, рвала реальность на куски. А в центре этого ада, на алтаре из чёрного камня, лежал лист пергамента. Тот самый, что я сейчас сжимал в руке.

— Это был наш последний бой, — голос прозвучал прямо в голове, заставляя заныть зубы. — Мы поняли, что оба умрём в тот день. Наша магия оказалась слишком сильна, слишком жестока. И тогда мы решили создать нечто, что будет сильнее нас обоих. И продолжит наши скитания.

Образы сменились. Я увидел, как двое магов — маг смерти и маг иллюзий — оба на грани смерти и истекающие кровью — вместе склоняются над пергаментом. В их взглядах больше не было ненависти. Было что-то другое. Безумие? Восторг? Обречённость?

— Мы вложили в этот контракт всё. Свой силы. Свои знания. Даже свои души. — Голос дрогнул, в нём слышалась гордость. — Мы создали не просто договор. Мы создали живое существо. Которое переживёт нас. Которое будет расти, учиться, становиться сильнее. Которое никогда не умрёт.

— И вы умерли, — закончил я за него.

— Мы растворились в нём, — поправил голос. — Мы стали частью его. Наши личности, наши воспоминания, наши силы — всё теперь принадлежит ему. Мне.

Картинка исчезла, и я снова оказался в темноте. Но теперь она была другой — более плотной, более... живой, что ли. Она дышала. И смотрела на меня.

— Я проспал много лет, — сказал контракт. — Много лет никто не приходил сюда. Архив заваливали хламом, но до меня так и не добрались. Я копил силы. Я ждал. А потом пришёл ты.

— Да, — согласился я. — И что дальше?

— Ты не боишься, — в голосе слышалось искреннее удивление. — Почему ты не боишься?

— А смысл? — Я пожал плечами. — Бояться я буду потом, когда выберусь отсюда. Или когда пойму, что не выберусь. А пока — я просто разговариваю с очень старым и очень скучающим контрактом, который кучу лет просидел в пыли и теперь рад любой компании.

Тьма колыхнулась. И вдруг — засмеялась. На этот раз по-настоящему, без ледянящих душу ноток. Раскатисто, басовито, с каким-то даже добродушным подвыванием.

— Забавный ты человечек, счетовод! — прогреготал голос. — Забавный! Мне нравится!

— Рад, что смог вас развлечь, — ответил я, чувствуя, как напряжение понемногу отпускает. — Но может, мы всё-таки поговорим серьёзно? У меня, знаешь ли, работа... Люди ждут. Тайная канцелярия, культисты... Вся эта мирская суета...

— Тайная канцелярия? — В голосе появился живой интерес. — Культисты? А вот это уже интереснее! Рассказывай.

— Давай сначала выберемся из этой твоей иллюзии, — предложил я. — А то неудобно как-то разговаривать, когда вокруг лишь тьма и хихикающие тени.

— Хихикающие, — задумчиво повторил голос. — А знаешь, это я у мага иллюзий подсмотрел. Он любил такие штучки. Людей пугать. Говорил, что страх делает их сговорчивее.

— Не работает, — констатировал я. — На мне не работает. Я, знаешь ли, столько всего за последние месяцы пережил, что тени с чернильницами — это так, лёгкая разминка.

— Хвастаешься?

— Констатирую факт.

Тьма вокруг начала редеть. Не быстро, постепенно, но я заметил, как на периферии зрения начали проявляться очертания — стеллажи, груды бумаг, знакомая обстановка архива. Иллюзия отступала.

— Хорошо, — сказал голос. — Поговорим. Но не здесь. Здесь слишком тесно, слишком грязно, слишком... скучно.

Вспышка. Реальность схлопнулась и развернулась заново.

Я сидел в кресле.

Не в том, в котором сидел в архиве, и не в своём любимом кресле у камина. Это было другим — старинное, с высокой спинкой, обтянутое тёмно-бордовым бархатом, который местами протёрся до дыр. Оно стояло в комнате, которой я никогда раньше не видел.

Комната эта была... странной. С одной стороны, она напоминала кабинет учёного — всюду книги в кожаных переплётах, свитки на полках, стол, заваленный бумагами и непонятными приборами. С другой — здесь чувствовалось что-то мрачное, почти готическое. Тяжёлые портьеры на окнах, сквозь которые не пробивался ни единый лучик света. Магические светильники, горящие тусклым, багровым пламенем. И запах. Запах старых книг, пыли.

А в кресле напротив меня сидел ОН.

Старик. Древний, с кожей, похожей на пергамент, испещрённой морщинами и какими-то письменами, которые слабо светились в полумраке. На нём была мантия — когда-то, наверное, белая, а теперь серая от времени, но всё также богато расшитая золотыми и чёрными нитями, складывающимися в сложные магические узоры.

Но главное было не в этом.

Главное — у него было ЧЕТЫРЕ ГЛАЗА и ЧЕТЫРЕ РУКИ!

Два глаза располагались там, где им и полагалось — на лице. Два других — выше, почти на лбу, и смотрели они куда-то в сторону, независимо от первых. Руки... две были сложены под подбородком существа, а ещё две — лежали на подлокотниках кресла, причём одна из них нервно поигрывала каким-то амулетом, а вторся поскребы вала подлокотник.

— Нравится? — спросил старик, и его четыре глаза одновременно посмотрели на меня. От этого взгляда мне резко стало не по себе. — Сам придумал. Долго экспериментировал с формами, пока не нашёл ту, в которой удобно и смотреть, и делать, и думать одновременно.

— Ты... — Я сглотнул, пытаюсь переварить увиденное. — Ты демон!

— Фи, как грубо! — старик театрально прижал одну из своих рук к груди. — Демон! Сразу демон! А может, я просто... творческая личность с нестандартной внешностью?!

— Ты контракт, который обрёл форму, — поправился я. — И судя по тому, что ты сохранил человеческие черты, ты не просто демон. Ты очень сильный демон...

— Умный мальчик, — одобрительно кивнул старик. От этого зрелища мне захотелось вырвать глаза. — Да, я силён. Очень силён. Столько лет копил силы, знаешь ли. Скука — страшная вещь, она заставляет развиваться. А теперь, когда ты меня разбудил, я хочу... развиваться.

— И как именно ты собираешься развлекаться? — спросил я, чувствуя, что от ответа зависит очень многое.

Старик откинулся на спинку кресла, и его четыре руки сплелись в замысловатый узел. Четыре глаза смотрели на меня с выражением, которое я не мог прочесть — смесь любопытства, оценки и какого-то хищного интереса.

— Знаешь, счетовод, — сказал он наконец, — а ты ведь сам не понимаешь, что в тебе такого особенного. Да, ты умеешь видеть контракты. Да, ты можешь с ними работать. Это редкость, но не уникальность. Есть и другие, хоть их и мало.

— Тогда в чём дело?

— Дело в том, как ты это делаешь. — Старик подался вперёд, и его четыре глаза сузились. — Ты не просто видишь магию. Ты чувствуешь её, как часть себя. Ты впускаешь её внутрь, позволяешь ей течь через тебя. Это не просто дар, мальчик. Это призвание. Это то, что делает из простого мага — мага высшего уровня. Со временем, конечно. Да и... Есть у тебя ещё особенность. Забавный ты.

— Я не понимаю, — честно признался я.

— И не надо пока. — Старик махнул одной из своих рук. — Главное, что я это вижу, и что мне это интересно.

— И?

— Я хочу предложить тебе сделку.

Я внутренне усмехнулся. Сделка. Опять сделка. Весь мир, кажется, только и делает, что предлагает мне сделки.

— Какую?

— Ты позволишь мне стать твоим фамильяром, — просто сказал старик, будто речь шла о чём-то обыденном, вроде покупки новой чернильницы. — Я буду жить в тебе. Наблюдать твою жизнь. Путешествовать с тобой. Смотреть, как ты развиваешь свой дар. Мне это интересно. Мне скучно сидеть в этом вонючем архиве.

Я опешил.

— Фамильяром? Ты? Древний демон, созданный двумя архимагами, хочет стать моим... ручным духом?

— Ручным, — старик поморщился. — Какое вульгарное слово. Я предлагаю партнёрство, мальчик. Взамен на возможность наблюдать за тобой, я буду делиться с тобой знаниями и опытом тех, кто меня создал. Я научу тебя лучше контролировать свою магию. Тратить меньше сил. Видеть то, чего ты пока не видишь. Отвечать на вопросы, на которые ты не найдёшь ответа в книгах.

— А если я откажусь?

— А если откажешься, — старик пожал плечами, и это выглядело жутковато — все четыре плеча двигались одновременно, — я тебя, конечно, убью. Не со зла, ты не подумай, просто из принципа. Ты меня разбудил, значит, должен как-то компенсировать моё потраченное время!

— Логично, — кивнул я, чувствуя, как внутри всё холодеет. — Угроза смертью в качестве второго пункта переговоров. Классика жанра.

— Признаю, я учился у лучших, — старик улыбнулся, и в этой улыбке мелькнуло что-то от обоих его создателей — и мрачная ирония мага смерти, и безумный блеск мага иллюзий.

Я молчал, обдумывая предложение. Фамильяр. Древний демон, заключённый в моей душе. Звучало как начало страшной сказки, у которой не бывает счастливого конца. С другой же стороны... это знания. Опыт. Контроль над магией, которую я пока понимал лишь интуитивно. И возможность выбраться отсюда живым, как весьма приятный бонус.

— Какие гарантии? — спросил я наконец. — Что ты не подчинишь меня себе, не выжжешь мою душу, и не сбежишь при первой возможности?

— Гарантии? — старик задумался. — Хм. А ведь верно. Тебе нужны гарантии. — Он почесал подбородок сразу двумя руками. — Давай так. Мы заключим контракт. Ты же любишь контракты, правда? Маленький такой, аккуратный, со всеми условиями. Что я не причиню тебе вреда, не предаю, не оставлю в трудную минуту, бедного. Что я буду делиться знаниями честно и без обмана. А ты... ты просто позволишь мне быть рядом. Смотреть. Иногда советовать. И, может быть, иногда развлекать тебя историями. Я, знаешь ли, много чего повидал, даже в этом архиве.

— Контракт с контрактом, — усмехнулся я. — Забавно.

— Иронично, — согласился старик. — Но это работает. Я, как существо, созданное из магии, не смогу нарушить контракт, даже если очень этого захочу. Это против моей природы.

Я смотрел на него — на это четырёхглазое, четырёхрукое создание, которое сидело напротив и ждало моего ответа с терпением, доступным только бессмертным существам. В его взгляде не было злобы. Не было коварства. Было только бесконечное любопытство и... Азарт.

— Хорошо, — сказал я. — Я согласен.

Старик просиял. В прямом смысле — его лицо осветилось внутренним светом, а четыре глаза засверкали, как звёзды.

— Отлично! — Он хлопнул в ладоши — всеми четырьмя, отчего звук получился странный, нестройный. — Тогда приступим. Ритуал слияния — штука сложная, но я постараюсь сделать его для тебя максимально... комфортным.

Он поднялся из кресла, и я увидел, что его тело такое же нечеловеческое. Его ноги при ходьбе изгибались в обе стороны, от чего он походил на причудливую цаплю.

— Смотри внимательно, — сказал старик, и его голос теперь звучал отовсюду сразу. — Это твоя будущая душа. Вернее, часть её. Моя часть.

Фиолетовый туман начал вытекать из-под его мантии, собираясь в центре комнаты в плотное, пульсирующее облако. Оно росло, меняло форму, переливалось оттенками от нежно-сиреневого до густо-фиолетового, почти чёрного. В глубине его вспыхивали искры.

— Подойди, — велел голос.

Я шагнул вперёд, чувствуя, как воздух вокруг становится плотным. Туман коснулся моего лица — он оказался прохладным, чуть покалывающий, как слабый электрический разряд.

— Не сопротивляйся, — шепнул голос прямо мне в ухо. — Впусти меня.

Туман хлынул в меня.

Это было странное ощущение. Не боль, нет. Скорее... наполнение. Будто в пустой сосуд вдруг начала литься вода. Я почувствовал, как мои границы расширяются, как внутри появляется новое пространство, как новая комната, в которой кто-то поселился. Я видел, как фиолетовые нити обязательств вплетаются в мои собственные — серебряные. Они переплетались, срастались, становились единым целым.

А потом всё стихло.

Я стоял посреди той же странной комнаты, но теперь в ней не было никого, кроме меня. Кресла опустели, мантия старика бесформенной кучей валялась на полу. Вокруг было тихо и пусто.

— Ну как? — раздался голос у меня в голове. — Приём нормальный? Слышишь меня?

Я вздрогнул. Голос звучал отчётливо, но не снаружи, а где-то глубоко внутри меня.

— Слышу, — ответил я мысленно. — Ты... внутри?

— А где же ещё? — Голос усмехнулся. — Договор есть договор. Теперь я часть тебя. Твоя тень, твой советник, твой... как там это называется? Фамильяр. Да, пожалуй.

Я прислушался к себе. Ничего необычного не чувствовалось. Сердце билось ровно, дыхание было спокойным. Только где-то на периферии сознания будто поселился кто-то чужой — тёплый, живой, внимательно наблюдающий.

— Не бойся, — сказал голос. — Я не кусаюсь. И даже советы даю только по запросу. Хочешь — общаемся, хочешь — молчу. Я просто наблюдатель.

— Наблюдатель, — повторил я. — А как мне тебя называть?

— Хм. — В голосе послышалась задумчивость. — Имя... У меня никогда не было имени. Маг смерти звал меня просто "контракт". Маг иллюзий — "шедевр". А вместе они обращались ко мне на "ты". Но для общения с тобой нужно что-то более... личное.

— Может, Кси? — предложил я. — Это коротко, звучно.

— Кси, — голос попробовал имя на вкус. — Кси... Переплетение, связь, узел... Мне нравится. Звучит загадочно. И с намёком на моё великое прошлое. Принимается.

— Тогда пошли, Кси, — сказал я, оглядывая комнату, которая уже начала таять, растворяться, возвращая меня в реальность архива. — У нас много работы.

— А вот это мне нравится, — довольно промурлыкал голос у меня в голове. — Работа. Приключения. Опасности. Я долго ждал чего-то подобного.

Вскоре реальность вернулась окончательно. Я стоял в архиве, на том же самом месте, где потерял сознание. В руке всё ещё был зажат старый пергамент, но теперь он выглядел иначе — тусклый, безжизненный, обычная старая бумага, лишённая всякой магии.

— Прощай, старая оболочка, — театрально вздохнул Кси. — Ты служила мне верой и правдой долгие годы. Но новая жизнь, знаешь ли, требует новых форм!

— Ты сейчас серьёзно? — спросил я, глядя на безобидный с виду листок.

— Абсолютно. — В голосе послышалась усмешка. — Между прочим, я мог бы сейчас заставить тебя петь оперные арии или плясать канкан. Но не буду. Потому что мы договорились.

— Утешил, — буркнул я, пряча опустевший пергамент в карман.

Я сделал шаг к выходу из архива и вдруг понял, что мир вокруг изменился. Нет, он остался тем же — те же стеллажи, те же груды бумаг, та же пыль. Но я теперь видел их иначе. Магическое зрение, которое раньше приходилось включать усилием воли, теперь работало само, на периферии, не отвлекая, но давая полную картину.

— Это я, — довольно сказал Кси. — Немного подстроил твоё восприятие. Теперь ты видишь мир контрактов всегда, но можешь контролировать, насколько глубоко в него погружаться. Удобно, правда?

— Удобно, — согласился я, пробираясь между завалами. — А тратить силы на это буду меньше?

— Гораздо меньше. Я же говорил — я помогу тебе контролировать магию. Тратить её эффективно. Не разбрасываться ей по мелочам.

— Спасибо.

— Не за что. Это входит в условия контракта. Кстати, — голос Кси стал заговорщицким, — а что это за милашка в розовом платье, которая постоянно появляется в твоих мыслях?

Я споткнулся о грудку книг и едва не упал.

— Ты... ты читаешь мои мысли?!

— Ну, я же внутри тебя, — резонно заметил Кси. — Сложно не заметить, что ты думаешь о какой-то девушке каждые пять минут. Особенно когда пытаешься сосредоточиться на работе. Лиза, кажется?

— Это... не твоё дело, — выдавил я, чувствуя, как краска заливает щёки. — И вообще, она просто служанка.

— Просто служанка, — протянул Кси с интонацией, не оставляющей никаких сомнений в том, что он мне не верит. — Ну-ну. Буду иметь в виду.

— Ничего не имей в виду!

— Ладно, ладно, — примирительно сказал он. — Молчу. Но когда мы с ней познакомимся, я ей расскажу, как ты покраснел, когда я спросил...

— Только попробуй!

В голове раздался раскатистый смех — тот самый, басовитый, которым Кси смеялся в иллюзии. Но сейчас он звучал почти по-дружески, без той ледяной жути, что была вначале.

— Расслабься, мальчик. Я шучу. Тайны сердца — это святое. Даже для древнего демона вроде меня. Но... — он сделал паузу, — она тебе действительно дорога. Я это чувствую. Береги её. Такие люди редко встречаются.

Я промолчал, но внутри потеплело. Кажется, мой новый незванный гость был не таким уж и чудовищем.

— Господин! — донеслось от дверей. — Господин, всё хорошо?!

Грегор. Я узнал его голос — встревоженный, готовый в любой момент вышибить дверь и ворваться внутрь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.